

Индийские игры. Историческое исследование

Эндрю Макфарланд Дэвис

Indian Games : an historical research

Andrew McFarland Davis

Электронная книга проекта "Гутенберг" об Индейских играх : историческое исследование

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Индейские игры : историческое исследование

Автор: Эндрю Макфарланд Дэвис

Дата выхода: 1 ноября 2004 г. [Электронная книга № 6857]

Последнее обновление: 30 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джошуа Хатчинсон, Том Аллен, Джульет Сазерленд, Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-редакторов. Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Канадским институтом исторических микрорепродукций

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА " ИНДЕЙСКИЕ ИГРЫ : ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ " ***

Продюсеры: Джошуа Хатчинсон, Том Аллен, Джульет Сазерленд, Чарльз Фрэнкс

и команда онлайн-корректоров. Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Канадским институтом исторических микрорепродукций.

ИНДЕЙСКИЕ ИГРЫ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

АВТОР : ЭНДРЮ Макфарланд ДЭВИС

"Существуют, - говорит отец Бребеф в своем отчете о том, что было достойно внимания среди гуронов в 1636 году [Примечание: Relations des Jesuites, Квебек, 1858, стр. 113.], - три вида игр, особенно популярных у этого народа: крест, блюдо и соломка. Говорят, что первые два являются наилучшими для здоровья. Разве это не вызывает у нас жалости? Вот, бедный больной человек, чье тело горит в лихорадке, чья душа предвидит конец его дней, и жалкий колдун заказывает ему в качестве единственного охлаждающего средства игру в крест. Иногда сам инвалид, возможно, мечтал о том, что он умрет, если страна не вступит в борьбу за его здоровье. Затем, если у него будет хоть немного доверия, вы увидите тех, кто лучше всех умеет играть в крест-накрест, деревня за деревней, на прекрасном поле, и, чтобы усилить азарт, они будут ставить друг на друга свои бобровые шкуры и ожерелья из фарфоровых бусин".

Иногда также кто-нибудь из их знахарей скажет, что вся страна больна и что для ее излечения необходима игра в крестики-нолики. Большого говорить не обязательно. Новости мгновенно

распространяются повсюду. Вожди в каждой деревне отдают приказы, чтобы вся молодежь выполняла свой долг в этом отношении, иначе страну постигнет какое-нибудь великое бедствие".

ЛАКРОСС.

В 1667 году Николя Перро, в то время действовавший в качестве агента французского правительства, был принят близ Со-Сент-Мари с величественной вежливостью и официальной церемонией жителями Майами, к которым он был приставлен. Через несколько дней после его прибытия вождь этого народа устроил ему в качестве развлечения игру в лакросс. [Footnote: Histoire de l'Amerique Septentrionale par M. de Bacqueville de la Potherie, Paris, 1722, Vol. II, 124, и далее.] "Более двух тысяч человек собрались на большой равнине, каждый со своим крестом. В воздух был подброшен деревянный шар размером с теннисный мяч. С этого момента началось постоянное движение всех этих крестовин, которые производили шум, подобный лязгу оружия, который слышен во время битвы. Половина "дикарей" пыталась отправить мяч на северо-запад по всей длине поля, остальные хотели, чтобы он полетел на юго-восток. Состязание, длившееся полчаса, было сомнительным".

В 1763 году армия конфедеративных наций, вдохновленная тонким влиянием выдающегося ума Понтиака, поставила своей целью захват разбросанных фортов, удерживаемых англичанами вдоль северо-западной границы. На четвертый день июня того же года гарнизон форта Мичилимакинак, не подозревая о своей неминуемой участи, бездумно развалился у подножия частокола и коротал день, наблюдая за игрой в мяч, в которую играли несколько индейцев перед частоколом. Александр Генри, который в то время находился на месте, говорит, что игра, в которую играли эти индейцы, называлась "Баггативэй, которую канадцы называют *леу де ла Кросс*". [Примечание: "Путешествия и приключения в Канаде и т. Д." Александра Генри, Нью-Йорк, 1809, стр. 78, "Путешествия по внутренним районам Северной Америки" Джонатана Карвера, Лондон, 1778, стр. 19. "Книга индейцев" Сэмюэля Г. Дрейка, Бостон, 1811, книга V, гл. III, с. 52.]

Паркман [Примечание: "Заговор Понтиака" Фрэнсиса Паркмана, Бостон, 1870, т. 1, стр. 339.] завершает яркое описание неожиданности и резни гарнизона в Мичилимакинаке, основанное на достоверных фактах, следующим образом: "Нанося удары, ставя противникам подножки или швыряя их на землю, они продолжали оживляющее состязание под смех и аплодисменты зрителей. Внезапно из гущи зрителей мяч взмыл в воздух и, описав широкую дугу, упал недалеко от частоколов форта. Это был не случайный удар. Это было частью заранее разработанного плана, призванного обеспечить внезапность и уничтожение гарнизона. Словно в погоне за мячом, игроки развернулись и бросились обезумевшей и буйной толпой к воротам. Через мгновение они были у них на пути. У изумленных англичан не было времени ни думать, ни действовать. Пронзительные крики бейсболистов сменились свирепым боевым кличем. Воины выхватили у скво топоры, которые последние с таким расчетом спрятали под своими одеялами. Некоторые индейцы напали на зрителей снаружи, в то время как другие ворвались в форт, и все превратилось в резню и неразбериху".

Таким образом, мы видим, что любимая игра североамериканских индейцев в мяч, известная сегодня, как это было в 1636 году, под названием "лакросс", была действенной среди них как лечебное упражнение или суеверный ритуал для излечения болезней и предотвращения

бедствий; что она составляла часть величественных церемоний, которые предназначались для развлечения высоких гостей; и что она использовалась как военная стратегия, с помощью которой можно было усыпить подозрения врага и получить доступ к их фортам.

Описания лакросса, которые были переданы нам, часто оказались бы непонятными для того, кто никогда не видел, как играют в эту игру. Авторы рассказов, дошедших до нас с начала семнадцатого века, были людьми, чья жизнь проходила среди описываемых ими сцен, и у них было очень мало времени и возможностей для тщательного написания. Отдельные записи, хотя и несколько запутанные, позволяют нам легко идентифицировать игру, а сравнение различных отчетов показывает, насколько тщательно были сохранены основные черты игры.

В лакросс сегодня играют следующим образом: количество игроков на противоположных сторонах должно быть равным. В правилах игры указаны обычные станции, по двенадцать с каждой стороны. Ворота, каждое из которых состоит из двух вертикальных стоек или жезлов, обычно расположенных примерно в шести футах друг от друга и одинаковой высоты, устанавливаются на каждом конце поля. Длина поля и его границы определяются характером грунта и мастерством игроков. Усилия каждой стороны направлены на то, чтобы не допустить прохождения мяча через ворота, отведенные для его защиты, и в равной степени попытаться провести его через противоположные ворота. Ни при каких обстоятельствах руки игроков не должны прикасаться к мячу во время игры, находясь в пределах поля. У каждого игрока есть ракетка, длина которой, хотя и необязательна, обычно составляет от четырех до пяти футов. Один конец этой ракетки или биты изогнут наподобие пастушьего посоха, и от изогнутого конца проходит ремешок до точки на рукоятке примерно на середине ее длины. В пространство, заключенное таким образом между ремешком и ручкой, ширина которой в самой широкой части не должна превышать фута, вставляется плоская сетка. Это формирует биту. Именно с этими словами игрок поднимает и бросает используемый в игре мяч, который должен быть около восьми или девяти дюймов в окружности. Судья помещает мяч в центр поля, и когда объявляется игра, игроки соперника пытаются завладеть им с помощью своих ракеток. Игра состоит в беге с ним и метании с целью загнать его между стойками ворот противника; и в защитных действиях, цель которых состоит в том, чтобы помешать противнику реализовать аналогичные замыслы со своей стороны. Поскольку ветер или солнечный свет могут благоприятствовать той или иной стороне на любом поле, обычно предусматривается смена голов по ходу матча. Положение игроков и второстепенные правила игры в этой связи не имеют значения.

Самая старая попытка подробного описания игры предпринята Николя Перро, который с 1662 по 1699 год провел большую часть своего времени в качестве *курьера буа*, торговца или правительственного агента среди индейцев дальнего Запада. Именно о нем аббат Ферланд говорит: "Мужественный человек, честный писатель и хороший наблюдатель, Перро долгое время жил среди индейцев Запада, которые были к нему очень привязаны". Его рассказы о нравах и обычаях североамериканских индейцев широко использовались последующими авторами, а поскольку часть, посвященная играм, не только очень полная, но и охватывает очень ранний период истории, это вдвойне интересно для сравнения с играми более позднего времени. Он [Сноска: "Воспоминания о мозаиках", "Кустумы и религия соважей Сентябрьской Америки", Перро Николя, Лейпциг и Париж, 1864, стр. 43, *и далее*.] говорит: "У дикарей есть много видов игр, которые доставляют им удовольствие. Их естественная привязанность к ним настолько велика, что они пренебрегают едой и питьем не только для того, чтобы

присоединиться к игре, но даже для того, чтобы посмотреть на нее. Есть среди них некая игра в кросс, которая очень похожа на наш теннис. Их обычай при игре в нее состоит в том, чтобы состязаться племенем против племени, и если численность не равна, они делают это, отзывая часть мужчин с более сильной стороны. Вы видите, что все они вооружены крестовиной, то есть палкой с большой частью внизу, зашнурованной наподобие ракетки. Мяч, которым они играют, сделан из дерева и имеет форму индюшачьего яйца. Цели игры устанавливаются на открытом поле. Эти цели обращены на восток и на запад, на север и на юг". Затем следует несколько путаное описание метода и правил соревнования, из которого мы можем сделать вывод, что после того, как команда выиграла два гола, они поменялись сторонами поля со своими соперниками, и что два из трех или три из пяти голов решили исход игры.

Чтение описания Perrot в связи с описанием de la Potherie игры, в которую Miamis играли до Perrot, приведенным де ла Потери, помогает нам устранить путаницу в описании. Abbe Ferlande [Footnote: Cours d'Histoire du Canada, par J.B. Ferland, Quebec, 1861, Vol. I, стр. 134.] описывает игру. Он был прилежным исследователем всех авторитетных источников по этим предметам и, вероятно, был знаком с современной игрой. Его описание индийской игры настолько точно соответствует описанию Перро, что показывает, что это была его модель. Однако она ясна и отчетлива в своих деталях, свободна от путаницы, присущей рассказу Перро, и может служить почти описанием игры, в которую играют индейцы в наши дни. Перро был пограничником и потерпел неудачу, когда взялся описать что-либо, требующее осторожного и точного использования языка. Мы можем интерпретировать его разумно, только объединив его описания с описаниями других авторов и применив наши собственные знания об игре такой, какой мы видим ее сегодня. Однако он становится более понятным, когда переходит к более общим вопросам, и, покончив с техническими тонкостями игры, продолжает: "Мужчин, женщин, мальчиков и девочек принимают на тех сторонах, которые они составляют, и они делают ставки между собой более или менее в соответствии со своими средствами".

"Эти игры обычно начинаются после таяния льда и длятся даже до посева. Во второй половине дня все игроки украшены [Примечание переписчика: Пространная сноска (1) перенесена в конец главы.] и раскрашены. У каждой партии есть свой лидер, который обращается к ним, объявляя своим игрокам назначенный час для открытия игры. Игроки собираются толпой в центре поля, и один из лидеров двух команд, держа мяч в руках, подбрасывает его в воздух. Затем каждый пытается бросить его в ту сторону, куда он должен его послать. Если мяч падает на землю, игрок пытается притянуть его к себе крестиком. Если он посылается за пределы толпы, то наиболее активные игроки, внимательно преследуя его, выделяются. Вы слышите шум, который они издают, ударяясь друг о друга и отражая удары, в своей борьбе за то, чтобы послать мяч в нужном направлении. Когда один из них держит мяч между ног, он в своем нежелании отпускать его уклоняется от ударов, которыми его противники беспрестанно осыпают его ноги. Если ему случится быть раненым на этом этапе, он один несет за это ответственность. Случилось так, что у некоторых были сломаны ноги, у других - руки, а некоторые были убиты. Нередко можно увидеть среди них тех, кто остался калекой на всю жизнь и кто смог попасть в такую игру только благодаря акту явного упрямства. Когда происходят несчастные случаи такого рода, несчастный спокойно выходит из игры, если он может это сделать. Если травма ему не позволяет, родственники уносят его в каюту, и игра продолжается до конца, как будто ничего плохого не произошло".

"Когда стороны равны, игроки проведут целый день без какого-либо преимущества ни одной из сторон; в других случаях одна из двух выиграет две партии, которые им нужны для победы. В этой игре, увидев, как они бегут, вы бы сказали, что они выглядели как две стороны, которые хотели подраться. Это упражнение вносит большой вклад в то, чтобы сделать дикарей бдительными и готовыми избегать ударов вражеского томагавка, когда они окажутся в бою. Если заранее не сказать, что это была игра, можно было бы искренне поверить, что они сражались на открытой местности. К какому бы несчастному случаю ни привела игра, они объясняют это случайностью самой игры и не имеют никакой неприязни друг к другу. Страдания предназначены для раненых, которые переносят их удовлетворенно, как будто ничего не случилось, создавая таким образом видимость того, что они обладают большим мужеством и являются мужчинами".

"Сторона, которая выигрывает, забирает все, что было поставлено на игру, и всю полученную прибыль, и это без каких-либо споров со стороны других, когда речь идет об оплате, независимо от вида игры. Тем не менее, если какой-нибудь человек, который не участвует в игре или который ничего не ставил, бросит мяч в пользу той или иной стороны, один из тех, кому этот бросок не поможет, нападет на него, требуя, его ли это дело и почему он вмешался в это. Они часто ссорятся из-за этого, и если бы кто-то из вождей не примирил их, пролилась бы кровь и, возможно, кто-то был бы убит".

Первоначально в игре могло участвовать любое количество участников. Согласно "Отношениям" от 1636 года, "Деревня сражалась с деревней". "Племя сражалось с племенем", - говорит Перро. Число участников игры, описанной Ла Потери [Примечание: т. II, стр. 126.], было оценено им в две тысячи. LaHontan [Footnote: Memoires de L'Amerique Septentrionale, ou la Suite des Voyages de Mr. Le Baron de LaHontan, Amsterdam, 1705, Vol. II, стр. 113.] говорит, что "дикари обычно играли в нее большими компаниями по триста или четыреста человек одновременно", в то время как Шарлевуа [Сноска: История Новой Франции. Дневник первого путешествия. etc, par le P. de Charlevoix, Paris, 1744, Vol. III, стр. 319.] говорит, что количество игроков было переменным, и добавляет "например, если их восемьдесят", показывая таким образом примерно то количество, которое он ожидал бы найти в игре. Когда Морган [Сноска: Лига ирокезов, Льюис Х. Морган, Рочестер, 1851, стр. 294.] говорит о шести или восьми игроках на стороне, он должен иметь в виду более поздний период, вероятно, после того, как игра была модифицирована белыми, которые приняли ее среди своих развлечений. [Примечание переписчика: пространная сноска (2) перенесена в конец главы.]

Наши самые ранние упоминания об игре, в которую играли индейцы на юге, примерно на столет позже, чем соответствующие записи на севере. Адэр [Примечание: "История американских индейцев, особенно народов, прилегающих к Миссисипи, и т.д." Джеймса Адама, Лондон, 1775, стр. 399.] говорит, что игроков равное количество, и говорит о "толпе игроков", препятствующей тому, кто "поймает мяч, отбросить его с дальней дистанции". Боссу [Примечание: Путешествие по той части Северной Америки, которая раньше называлась Луизиана, мистера Боссу, капитана французской морской пехоты. Переведено с французского Джоном Хемхолдом Форстером, Лондон, 1771, том. I, стр. 304.] говорит: "их по сорок с каждой стороны", в то время как Бартрам [Примечание: Путешествия по Северной и Южной Каролине и др., Уильям Бартрам, Филадельфия, 1701, стр. 508.] говорит: "жители одного города играют против другого в результате вызова". Из этого следует, что среди этих индейцев, как и на Севере, количество игроков определялось только обстоятельствами, при которых велась игра.

Мяч, первоначально деревянный, [Примечание: La Potherie, том II, стр. 126; Perrot, стр. 44.] был заменен мячом, сделанным из оленьей кожи. Адэр дает следующее описание его изготовления: "Мяч сделан из куска очищенной оленьей шкуры, увлажнен, туго набит оленьей шерстью и прочно зашит оленьими сухожилиями". [Сноска: стр. 400.]

По словам Моргана, ракетка претерпела аналогичные изменения - от изогнутого деревянного наконечника до изогнутой палки с открытой сеткой, но в самом раннем описании, имеющемся в нашем распоряжении, мы видели, что во времена Перро крестовина была "зашнурована как ракетка". [Примечание: Лига ирокезов. стр. 298; Перро, стр. 44.]

В эту игру играли не только индейцы нашего побережья, но и державы [Примечание: Вклад в североамериканскую этнологию, Т. III, с. 151. Племена Калифорнии Стивена Пауэрса; Та же игра описана среди мивокков в "Коренных расах Тихоокеанских штатов" Х. Х. Бэнкрофтом, Т. I, стр. 393.] обнаружил это также у калифорнийских индейцев. Он описывает игру в теннис, в которую играли индейцы помо в долине Русской реки, о которой он ничего не слышал среди северных племен. "Мяч скругляется из дубового сучка, такого же большого, как те, которыми пользуются школьники, и приводится в движение ракеткой, которая сделана из длинной тонкой палки, согнутой вдвое и связанной вместе, оставляя на конце круглый обруч, поперек которого сплетена грубая сетка из струн. Такой снаряд недостаточно силен для отбивания мяча, и они не отбивают его, а просто толкают или толкают по земле".

Пол Кейн [Сноска: "Странствия художника среди индейцев Северной Америки" Пола Кейна, стр. 190; "Коренные расы" Х. Х. Бэнкрофта, том. I, стр. 244] описывает игру, в которую играли среди "чинуков". Он говорит: "Они также получают огромное удовольствие от игры с мячом, в которую они играют так же, как индейцы кри, чиппева и сиу. Два шеста устанавливаются примерно в миле друг от друга, и компания делится на две группы, вооруженные клюшками, с небольшим кольцом или обручем на конце, с помощью которого подхватывается мяч и бросается на большое расстояние, при этом каждая сторона стремится протолкнуть мяч мимо своих ворот. Иногда их бывает по сотне на стороне, и их игра сопровождается большим шумом и возбуждением. В этой игре они делают крупные ставки, поскольку в нее обычно играют между племенами или деревнями".

Доменек [Примечание: Семилетнее пребывание аббата Эма в Великих пустынях Северной Америки. Доменек, Т. II, стр. 192, 193.], описывая индейцев внутренних районов, называет игру "крикет" и говорит, что игроки были одеты следующим образом: "Короткие панталоны, или, скорее, пояс, тело которого сначала покрывается слоем ярких красок; с пояса (который достаточно короток, чтобы оставлять бедра свободными) свисает длинный хвост, подвязанный на конце длинным конским волосом; на шее у них ожерелье, к которому прикреплена развевающаяся грива, окрашенная в красный цвет, как и хвост, и ниспадающая наподобие бахромы платья поверх одежды. грудь и плечи. На северо-западе в костюмах, необходимых игрокам, перья иногда заменяют конским волосом". Он добавляет, "что некоторые племена играют двумя палками" и что в это играют в "зиме на льду". "Мяч сделан из дерева или кирпича, покрытого лайковой кожей, иногда из кожи с причудливым переплетением". Скулкрафт описывает игру так, будто в нее играют зимой на льду. [Примечание: "Североамериканские индейцы" Скулкрафта, том. II, стр. 78. Смотрите также Игру в мяч среди двудольных в статье Филандера Прескотта, Там же, том. IV, с. 64.]

Следует отметить, что наибольшая разница наблюдается в оценке расстояния, на котором ставятся цели. Генри в своем отчете об игре в Мичилимакинаке говорит: "они находятся на значительном расстоянии друг от друга, в миле или больше". Шарлевуа забивает голы в игре с восьмьюдесятью игроками на расстоянии "половины лиги", что означает, вероятно, полмили. Лаонтан оценивает расстояние между голами в "пятьсот или шестьсот шагов". Адэр, [Сноска: Генри, стр. 78, том Чулуа. III, стр. 319, "Странствия Кейна", стр. 189, "ЛаХонтан", том. II, стр. 113; Адэр, стр. 400.] который является умным писателем и был досконально знаком с привычками и обычаями чероки, чокто и чикасо, оценивает длину поля в "пятьсот ярдов", в то время как римляне [Сноска: Краткая естественная история Восточной и Западной Флориды, капитана Бернарда Романса, Нью-Йорк, 1770, стр. 79.] при описании целей используют эту фразу: "они устанавливают два шеста друг напротив друга на расстоянии около ста пятидесяти футов друг от друга". Боссу [Сноска: Том. I, стр. 104 Аналогично, Пикетт (История Алабамы, том. I, стр. 92) описывает игрусреди Криков, в которой были только одни ворота, состоящие из двух шестов, установленных в центре поля, между которыми мяч должен пройти, чтобы засчитать один. Он цитирует "Butram," и "повествование о миссии в крик нации кол. Маттис Виллет," - его органы ни один из них не поддерживает его на этом месте.] говорит так, как будто в игре, которую он видел, был всего один гол. Он говорит, что "Они договариваются о метке на расстоянии примерно шестидесяти ярдов и различаются двумя большими шестами, между которыми должен проходить мяч".

Воротами у северных индейцев были одиночные штанги на концах поля. Именно у южных индейцев мы впервые слышим о двух столбах, воздвигнутых для образования своего рода ворот, через которые должен пройти бык. Адэр говорит: "Они вбивают в землю два изогнутых шеста на расстоянии трех ярдов друг от друга, но со значительным наклоном наружу". Сторона, которая случайно забросит мяч "поверх них, считается одной; но если он будет заброшен снизу, он отбрасывается назад и разыгрывается как обычно". Мяч должен быть брошен "через нижнюю часть" двух шестов, которые, согласно римлянам, установлены друг напротив друга на расстоянии около ста пятидесяти футов друг от друга. По словам Боссу, именно "между" двумя большими полюсами, которые различают цель, "мяч должен пройти". С другой стороны, Бартрам, описывая то, что он видел в Северной Каролине, говорит о том, что мяч "подбрасывается в воздух на полпути между двумя высокими стойками, которые являются воротами, и сторона, которая переносит мяч к своей стойке, выигрывает игру".

В некоторых частях юга у каждого игрока было по две ракетки, между которыми ловился мяч. Для этой цели они обязательно были короче крестовины северных индейцев. Адэр говорит: "Палочки с шариками имеют длину около двух футов, нижний конец их чем-то напоминает ладонь, и они снабжены ремешками из оленьей кожи. Между ними они ловят мяч и перебрасывают его на большое расстояние". [Примечание: Адэр, стр. 400; Рассказ о военных приключениях полковника Маринуса Уиллетта, стр. 109.]

То, что это не было повсеместным на юге, явствует из рассказа Боссу, который говорит: "У каждого в руке боевая дверь длиной около двух с половиной футов, сделанная почти по форме нашей, из орехового или каштанового дерева и покрытая шкурами косули". Бартрам также говорит, что у каждого человека есть "ракетка или метательный снаряд, представляющий собой орудие очень любопытной конструкции, несколько напоминающее половник или маленькую сетку с обручем, с ручкой длиной около трех футов, обручем и ручкой из дерева и сеткой из ремней из сырой кожи или сухожилий животного".

Кэтлин [Сноска: Письма и заметки о манерах, обычаях и состоянии североамериканских индейцев, Джордж Кэтлин, Том. II, стр. 123*и далее.*] видел игру, в которую играли чокто в их Западной резервации. Они использовали две ракетки. В этой игре старики выступали в качестве судей.

Обычно игра начиналась с подбрасывания мяча в воздух в центре поля. Этот акт представлен Перро как совершенный одним из лидеров игры, но это больше соответствует духу, в котором проходила игра, что это должен был сделать кто-то посторонний. Боссу говорит: "Старик стоит посреди места, отведенного для пьесы, и подбрасывает в воздух шар из косулиных шкурок, перекатанных друг о друга", в то время как Пауэрс [Сноска: Вклад в североамериканскую этнологию, Т. III, стр. 151.] говорится, что у калифорнийских индейцев это действие выполняла скво. Судьи начали игру среди чокто. [Сноска: Cuthu, Vol. II, стр. 12.] Несмотря на различия в форме голов, расстоянии между ними и методах игры, раскрытых во всех этих описаниях, игру можно рассматривать только как одну и ту же. Историки, сохранившие для нас описания древних южных игр, из которых были взяты цитаты, все англичане, за исключением Боссу, и он попал в страну не через Квебек, а через Новый Орлеан. Поэтому неудивительно, что мы не находим в употреблении среди них названия, которое древние французские отцы и торговцы неизменно применяли к этой игре. Однако описание ракетки, используемой на юге, данное этими авторами, настолько точно соответствует клюшке, от которой игра получила название, под которым она известна, что мы должны принять эту игру за модифицированную форму лакросса. От штата Мэн до Флориды, от Атлантики до Тихого океана мы прослеживаем его знания. Мы обнаружили, что он используется среди конфедеративных наций севера и юга, а также среди рассеянных племен по всей стране.

В большинстве случаев естественные инстинкты тех, кто участвовал в борьбе, стимулировались местной гордостью. Репутация их племени или деревни зависела от результата. Каким бы пылким ни был дух соревнования при таких обстоятельствах среди людей, для которых мужество и физические данные имели столь большое значение, их сильная страсть к азартным играм вмешалась, чтобы раздуть еще более яростное пламя в настроении соперничающих игроков и вдохновить их на более серьезные усилия. Ставки, часто имевшие огромное значение для игроков и их покровителей, делались на играх. Репутация храбреца, ловкости и выносливости была самым ценным достоянием индейца. Поддержание этого было в определенной степени задействовано в каждой игре, в которую он играл. Часто в дополнение к этому на кон ставилось все его собственное имущество, а также имущество его друзей и соседей в виде шкурок и бус. В играх, где было задействовано так много всего, нам не нужно удивляться, узнав от Перро, что иногда ломались конечности, а иногда игроков даже убивали. В примечаниях к мемуарам Перро утверждается, что какой-то анонимный автор написал на полях рукописи Перро в этом месте: [Сноска: Перро. Примечание 1, гл. x. с. 187.] "Ложь, ни руки, ни ноги не сломаны, и игроки никогда не убиты". Мы едва ли нуждаемся в подтверждающих заявлениях La Potherie [Сноска: Vol. II, стр. 126-137.] что "за этими играми обычно следуют проломленные головы, руки и ноги, и часто на них гибнут люди"; а также о Лахонтане, [Сноска: Том. II, стр. 113], что "они рвут на себе кожу и ломают ноги", чтобы убедить нас в том, что следует верить скорее Перро, чем его критику. Если бы подобных заявлений сделано не было, мы должны были бы сделать вывод, что такой жестокий народ, как индейцы, не мог вести такую жестокую игру, в которой делались ставки такой жизненно важной важности, иначе как с такими результатами. Несмотря на жестокость игры и глубокий интерес, который проявили к ней игроки и зрители, свидетельства историков едины в том, что случайные травмы,

полученные во время ее прохождения, не вызвали недоброжелательности. Мы видели, что Перро утверждает, что если кто-то пытался удержаться *мячногами*, он рисковал получить травму, и что те, кто получил травму, спокойно уходили с поля. Адэр говорит: "Очень необычно видеть, как они действуют злобно, даже в этом суровом и заманчивом упражнении". Боссю подтверждает тот же эффект следующими словами: "Актеры никогда не бывают недовольны; некоторые старики, которые помогают в спектакле, становятся посредниками и решают, что спектакль задуман только как развлечение, а не как повод для ссоры".

Там, где игра проводилась по предварительной договоренности в ответ на вызов, мужчины и женщины собирались в своих лучших украшениях и танцевали и пели в течение дня и ночи, предшествующих назначенному дню. Игроки молили Великого Духа об успехе. Родственники пели ему всю предыдущую ночь, а мужчины постились со вчерашнего вечера до окончания игры. [Сноска: Адэр, стр. 401, Боссю, том I, стр. 306, и Повествование Уиллета, стр. 109.] Игроки были практически не одеты в защитную одежду. Римляне говорят о них как о "почти обнаженных, раскрашенных и украшенных перьями"; а Боссу говорит, что они были "обнаженными, раскрашенными в разные цвета, с закрепленным сзади тигриным хвостом и перьями на голове и руках".

Неудивительно, что игра, которая требовала такого энергичного изгнания нечистой силы [Сноска: Ferdinand Vol. I, стр. 134, и майор К. Суон в отчете о Криках в 1791 году. Скулкрафт, том v, стр. 277, что белые превосходят индейцев в этой игре.] и которая до такой степени требовала силы, ловкости и выносливости игроков, должна быть описана авторами в терминах, которые показывают, что они смотрели на это скорее как на мужественное состязание, чем как на развлечение. Тем не менее, молодые люди и женщины часто принимали в нем участие. Так говорит нам Перро, и оба Римлянина, и Боссу говорят, что после того, как мужчины заканчивали, женщины обычно играли в игру, ставки в которой, как правило, были высокими. Пауэрс [Сноска: "Вклад в североамериканскую этнологию", т. V., стр. 151.] представляет скво калифорнийских индейцев как вступающих в игру.

Ловкость в игре заключалась в умелом использовании ракетки; в быстром беге; в подстерегании противника, когда он владел мячом; в уклонении от игроков противоположной стороны, когда сам игрок бежал с мячом к воротам, и в ловкой передаче мяча одному из игроков той же стороны, когда он был окружен противниками. Чтобы дать полный простор мастерству владения ракеткой, большое внимание уделялось правилу, согласно которому к мячу нельзя прикасаться рукой. Перро говорит: "Если она падает на землю, он пытается притянуть ее к себе своим крестом". Шарлевуа говорит: "Их задача - забить мяч в штангу соперника, не давая ему упасть на землю и не касаясь его рукой". Эдер говорит: "Им не разрешается ловить его руками".

Первые авторы были поражены тем фактом, что характер упражнений в этой игре был приспособлен для подготовки молодых воинов к военной стезе, и они прокомментировали приобретенную ими таким образом практику быстрого бега и уклонения от ударов оружием в руках противника.

"Когда мы рассматриваем различные особенности игры, которые ее летописцы сочли достойными упоминания, мы можем лишь заключить, что это было скорее соревнование, имеющее огромное значение для игроков, чем простое развлечение, и мы не можем не принять совпадающие свидетельства о обширной территории, на которой она была одомашнена, как

дополнительное свидетельство масштабов общения, которое преобладало среди коренных племен этой страны ".

[Перенесенная сноска (1): я перевожу *apiffez* "украшенный", исходя из контекста, что автор имел в виду написать *attifez*. У нас есть другие свидетельства, которые показывают, что игроки в мяч, даже будучи вынужденными играть в скудной одежде, все равно прикрывались своими украшениями. Дж. М. Стэнли в своих "Портретах североамериканских индейцев", Смитсоновские разные коллекции, Вашингтон, 1862, том. II, стр. 13, говорится, что игроки в мяч "Крик" впервые появляются на земле в костюмах. "Во время спектакля они снимают с себя все свои украшения, которые обычно демонстрируются в таких случаях, с целью заключения пари на результат спектакля".]

[Перенесенная сноска (2): Игра также упоминается в отчете о замечательных событиях из жизни и путешествий полковника Дж. Джеймс Смит во время своего пленения у индейцев в 1755-1759 годах. Цинциннати, 1870, стр. 78. Это описано полковником. Уильям Л. Стоун в своей "Жизни Бранта", Олбани, 1865, Т. II, стр. 448. В одной игре, о которой он говорит, мяч начала молодая и красивая скво, которая была изысканно одета по этому случаю. Несмотря на масштабы и ценность полковника. Во вкладе Стоуна в литературу по теме североамериканских индейцев он делает ошибочное утверждение, что "Шесть наций переняли у белых популярную игру в мяч или крикет", см. стр. 445, тот же том, ср.. Мемуары о последней войне в Северной Америке, 1755-1760, М. Пушо, переведенные и отредактированные Франклином Б. Хафом, Т. II, стр. 195. Игра в мяч также описана в "Исторических сборниках Джорджии" преподобного Джорджа Уайта, 3d издание, Нью-Йорк, 1835, стр. 670, которая проходила в округе Уокер, штат Джорджия, между Чатугой и Чикамогой. Мяч подбрасывался в центр поля. Биты были описаны как ложки с причудливой резьбой. Если мяч касался земли, игра прекращалась и его снова подбрасывали. Преподобный Дж. Оуэн Дорси в статье, озаглавленной "Социология Омахи", напечатанной в Третьем ежегодном отчете Бюро этнологии и т. Д., 1881-1882, Вашингтон, 1884, стр. 230, стр. 336, описывает игру среди омах.]

НАРЕЗАТЬ НА БЛЮДО Или КУБИКАМИ.

Второй в списке игр, приведенном отцом Бребефом, является та, которую он называет "блюдечко". Авторам, описывающим привычки индейцев на севере, есть что сказать об этой игре. По словам Лескарбо, Жак Картье видел, как в нее играли, и записал свои наблюдения. [Footnote: Histoire de la Nouvelle France par Marc Lescarbot, Nouvelle Edition, Paris 1856, Vol. III, с. 734.]

Сагард Теодат [Примечание: История Канады и др., пер. Габриэля Сагарда Теодата; Новое издание, Париж, 1856, том. I, стр. 243-244.] уделяет этому значительное место. И отец Бребеф в своем Рассказе от 1636 года, и отец Лалеман в своем Рассказе от 1639 года подробно описывают игру, причины, по которым в нее играют, эксцессы в азартных играх, к которым она приводит, и методы, преобладающие в ее практике. В работе Перро [Сноска: с. 50.] есть хорошее описание игры, хотя и не такое полное, как его рассказ о лакроссе, отрывок из которого мы уже цитировали. Ла Потери и ЛаХонтан почти не упоминают об этом. Latitau [Footnote: Mours des Sauvages Ameriquains, etc, par le P. Latitau, Paris, 1724, Vol. II, с. 339.] в своем тщательном анализе рукописей, хранящихся в Квебеке, в поисках следов своей теории о существовании сходства между привычками индейцев и древних обитателей Восточной Европы

обнаружил необычное количество материала, касающегося этой конкретной темы, который он воспроизвел в своей книге. Шарлевуа [Сноска: Т. III, стр. 260-1.], в письме от 8 июня 1721 г. говорится: "Когда я возвращался через квартал деревни гуронов, я заметил несколько этих индейцев, которые, казалось, были очень увлечены игрой. Я подошел к ним и обнаружил, что игра, в которую они играли, была тем, что они называли игрой в тарелки. Это игра, к которой индейцы пристрастились больше всего на свете. Иногда они теряют при этом покой и, в какой-то степени, сами свои чувства. Они ставят на кон все, что у них есть, и известно, что некоторые из них продолжали делать это до тех пор, пока не разделись догола и не потеряли все свое движимое имущество в своей каюте. Известно, что некоторые из них рисковали своей свободой на определенное время. Это обстоятельство, вне всякого сомнения, доказывает, как страстно они ее любят, поскольку в мире нет народа, более ревниво относящегося к своей свободе, чем наши индейцы".

В описании, которое Шарлевуа затем дает, он частично опирается на личные наблюдения, а также, в некоторой степени, на отчеты, которые в то время находились в рукописи в середине Квебека, которые были легко доступны ему. Сам он был умным наблюдателем и образованным человеком. Его история и письма, хотя и не лишены вольности выражений, которая пронизывает рассказы современников, в целом демонстрируют дисциплину образованного ума. Мы узнаем от него и от ранее перечисленных властей, что только два игрока с каждой стороны могут участвовать в этой игре в любой момент времени во время ее прохождения. Необходимыми принадлежностями были чаша и несколько игровых костей, по форме напоминающих абрикосовые косточки и по-разному окрашенных с верхней и нижней сторон. Как правило, одна сторона была белой, а другая черной. Количество этих кубиков обычно составляло шесть. Не существовало четкого правила относительно материалов, из которых они были сделаны; иногда они были из кости; иногда использовались косточки фруктов. Важным моментом было то, что центр тяжести каждого кубика должен быть расположен так, чтобы, когда его подбрасывали в воздух или когда чашу, в которую он был помещен, сильно вращали, была бы равная вероятность того, на какую из двух его сторон упадет кубик, когда он опустится; и в той игре, в которую играли в ранние времена, все количество используемых кубиков должно быть одинакового цвета, причем у каждого кубика разные стороны разного цвета. Кости помещались в чашу, которая обычно делалась из дерева, между двумя игроками, которые должны были бросить их от имени своих соответствующих сторон. Эти заклинатели были выбраны каждой стороной, и преобладающие мотивы их выбора, как правило, основывались на какой-то суеверной вере в свою удачу. Возможно, этому человеку приснилось, что он победит. Возможно, считалось, что этот игрок обладает какой-то магической силой или какой-то секретной мазью, которая при нанесении на кости заставляла их склоняться в его пользу. [Примечание: Relations des Jesuites, Relationship en l'Annue, 1636, стр. 113.] Зрители обычно располагались на сиденьях по бокам каюты [Сноска: Там же, Relation en l'Annue, 1639, стр. 95.], расположенных ярусами, чтобы каждый человек мог видеть игроков. Они были в большем смысле слова глубоко заинтересованы в игре. Когда нужно было сделать бросок, игрок ударял чашей о землю так, чтобы кости подпрыгивали в воздух [Примечание: Сигуд Теодат, том 1, стр. 213.], а затем быстро вращал чашу. Во время этого процесса и до тех пор, пока он не прекратил свое вращение и кости, наконец, не легли, игроки обращались к кости и били себя в грудь. [Примечание: Shea's Hennepin, стр. 300.] Зрители в тот же период оглашали воздух криками и призывали на помощь свои собственные силы защиты, в то время как на одном дыхании они осыпали проклятиями своих противников. Количество очков зависело от продолжительности

игры и было совершенно необязательным. Если использовалось шесть кубиков и все выпали одного цвета, бросок засчитывался за пять. [Примечание: Среди делаваров для победы требовалось восемь отсчетов из пяти. История миссии Объединенных братьев среди индейцев и т.д. Г. Х. Лоскиел. Переведено И. Латробом, часть I, глава VIII, стр. 106.] Если пять из них были одного цвета, это считалось единицей. Любое меньшее число не засчитывалось. Если заклинатель проигрывал, он уступал место другому, но пока он продолжал выигрывать, его сторона сохраняла его на этой позиции. [Сноска: Шарлевуа, т. III, стр. 264.] Игра часто сопровождалась пением. Подобно лакроссу, его назначали как средство от болезни или вследствие сновидений, и страдальца, от имени которого велась игра, переносили в каюту, в которой она должна была проходить. Были соблюдены предварительный пост и воздержание, и было приложено все возможное, что могло подсказать суеверие, чтобы выяснить, кто будет удачливым метателем и кто сможет помочь заклинателю своим присутствием на состязании. Стариков, неспособных дойти туда пешком, поднимали на плечах молодые люди, чтобы их присутствие могло благоприятно сказаться на шансах игры. [Сноска: Там же, стр. 202.] Волнение, охватившее одну из этих азартных игр, было сильным, особенно когда игра достигла критической точки и какой-то конкретный бросок, скорее всего, положил бы ей конец. Шарлевуа говорит, что игры часто длились пять или шесть дней [Примечание: Лоскиэль (стр. 106) видел игру между двумя городами ирокезов, которая длилась восемь дней. Команды приносили жертвы на удачу каждый вечер.] и часто зрители, участвующие в игре, "находятся в таком возбуждении, что выходят из себя до такой степени, что ссорятся и дерутся, чего никогда не случается с гуронами, за исключением этих случаев или когда они пьяны".

Возможно, ром также был ответственен за эти ссоры, поскольку в ранних отчетах нам говорится, что потери принимались философски. Отец Бибеф рассказывает о группе, потерявшей свои гетры на одной из таких игр и вернувшейся в свою деревню по трехфутовому снегу с таким веселым видом, как будто они выиграли. Кажется, не было предела, до которого они не дошли бы в своих ставках, находясь в азарте игры. Одежда, жена, семья, а иногда и личная свобода самого игрока зависели от риска выпавшего кубика. [Сноска: Шулвуа, том III, стр. 261. *Le Grand Voyage du Pays Des Hurons*, par Gabriel Sigud Theodat Puis 1632, Nouvelle Edition, Paris, 1835, p. 85, *Relations de Jesuites, Relation de la Nouvelle France en l'Annee 1639*, pp. 95-96, Lafitau, Vol. II, стр. 341.]

Женщины часто играли в эту игру сами, хотя, по-видимому, с меньшей формальностью, чем это было характерно для великих матчей. Последние часто предполагали те же местные особенности, которые мы видели в игре в лакросс, и мы часто слышим о том, что деревня противостоит деревне как частая особенность игры. [Примечание: Пено, стр. 43, История Канады, параграф Ф. Х. Гарно, том I, стр. 115.]

Морган [Сноска: Лига ирокезов, стр. 602.] описывает игру, в которую играли ирокезы с пуговицами или игральными костями, сделанными из лосиного рога, округлыми, отполированными и почерневшими с одной стороны. Игроки расстилали на земле одеяло, а кости подбрасывали рукой в воздухе и давали им упасть на одеяло. Количество выпавших кубиков определялось, как и в игре на блюдечке, по цвету граней, которые выпадали при выпадении. Количество выпавших кубиков равнялось восьми.

В "Описании игры в тарелку" Перро [Сноска: Periot, стр. 50.] он ссылается на игру, в которую играли восемью игральными костями на одеяле именно таким образом, но добавляет, что в нее

играли женщины и девочки. La Potherie [Сноска: La Potherie, Vol. III, стр. 23] говорится, что женщины иногда играют на блюде, но обычно они бросают фруктовые косточки рукой, как бросают кости.

Под названием "гвалт" эта игра также была описана наблюдателями среди абенаки. Огилби [Примечание: Америка, являющаяся точным описанием Нового Света и т.д. Собрано и переведено Джоном Огилби. Лондон, 1670, книга II, гл. II, стр. 155.] говорится: "Гвалт - это пять маленьких костей на маленьком подносе; кости похожи на Кубик, но что-то более плоское, черное с одной стороны и белое с другой, которые они кладут на Землю, по которой, яростно ударяя о Блюдо, кости поднимаются, меняя цвет от ветреных взмахов рук назад и вперед; какие действия в этом виде спорта они часто используют, ударяя себя по груди и бедрам, выкрикивая "Хаб-хаб-хаб"; можно услышать, как они играют в эту игру много раз. в четверти мили отсюда. Поскольку все кости черные или белые, получается двойная игра; если три одного цвета и две другого, то получается всего лишь одна игра; четыре одного цвета и одна отличающаяся - это ничто. Пока Мужчина выигрывает, он сохраняет Поднос, но если он проигрывает, его забирает следующий Мужчина".

Писатели мало что говорят об этой игре на юге. Очевидно, там она не имела такого распространения, как у гуронов и племен, живущих вдоль Озер. Лоусон [Сноска: "История Северной Каролины" Джона Лоусона, Лондон, 1718, стр. 176.] видел, как в Северной Каролине в нее играли косточками хурмы в качестве игровых костей. Хотя это фиксирует тот факт, что игра прижилась среди южных индейцев, то, как ею пренебрегали большинство авторов, пишущих об этом разделе, показывает, что там это не было любимой игрой.

Чему мы должны это приписать? Его влияние на северных индейцев показывает, что он был особенно приспособлен к темпераменту туземцев, и мы, естественно, должны ожидать, что он будет так же широко использоваться среди племен юга, как и среди племен севера. Объяснение этому, возможно, можно найти в разнице климата. Игра была специально приспособлена для зимы, и хотя ее применение, очевидно, не ограничивалось исключительно этим сезоном, возможно, что ее большее влияние на северных индейцев объяснялось тем, что они были вынуждены прибегать к домашним развлечениям в течение затяжных зим в этом регионе. Поскольку южные индейцы были в некоторой степени освобождены от этой необходимости, они продолжали свои игры на свежем воздухе, как обычно, и никогда так сильно не увлекались этой игрой.

Между игроками часто проводились неофициальные соревнования, в которых не требовалось использовать чашу или блюдо. Кости держали в руке, а затем подбрасывали в воздух. Им разрешалось падать на какую-нибудь подготовленную поверхность, обычно на расстеленную для этой цели оленью шкуру. Подсчетом управляли те же правила, что и в отношении цвета поверхностей игровых костей, когда они располагались на своих местах. Эта форма игры иногда описывается как отдельная игра. Буше [Примечание: Истинное описание Новой Франции и т. Д., Пьера Буше, Париж, 1644, Переведено под названием "Канада до семнадцатого века", Монреаль, 1883, стр. 57.] называет это *Пакессеном*. [Примечание: Играют женщины и девочки. Sagard Theodat, Histoire du Canada, Vol. I, стр. 244.] Женщины Орегона играли в нее с ярко выраженными бобровыми зубами. [Примечание: Вклад в североамериканскую этнологию, том. I, стр. 206, Джордж Гиббс; "Коренные расы" Х. Х. Бэнкрофта, том. I, стр. 244, "Северо-Западное побережье" Джеймса Г. Суона, стр. 158.] Среди

тивана в нее играли зубами бобра или ондатры. [Сноска: Бюллетень геологической службы США, том. III, № 1, 5 апреля 1877 г. Преподобный М. Илз.] Пауэрс [Сноска: Вклад в североамериканскую этнологию, том. III, с. 332.] говорится, что среди нишмамов, племени, живущего на склонах Сьерра—Невады между реками Юба и Косумнес, в игру в кости играют мужчины или женщины, двое, трое или четверо вместе. Игральные кости, которых всего четыре, состоят из двух желудей, разделенных вдоль на половинки, с выскобленной и окрашенной в красный или черный цвет внешней стороной. Их встряхивают в руке и бросают в широкую плоскую корзину, сплетенную орнаментальными узорами. Один цветной и три белых, *илинаоборот*, ничего не выигрывают; по двое от каждого - по одному; четыре одинаковых - по четыре. Бросающий продолжает бросать до тех пор, пока не сделает пустой бросок, когда другой заберет кости. Когда все игроки отстоят свою очередь, ставки забирает тот, кто набрал больше всего очков".

Женщины йокутов, [Сноска: Вклад в североамериканскую этнологию, том III, стр. 377.] у калифорнийского племени, жившего в долине Сан-Хоакин недалеко от озера Туларе, была похожая игра. Каждый кубик представлял собой половинку большого желудя или скорлупу грецкого ореха, наполненную смолой и толченым древесным углем и инкрустированную кусочками ярких ракушек абалони. Играли четыре скво, а пятая вела счет пятнадцатью палочками. Там было восемь игровых костей, и они сгребали их руками и бросали в корзину, считая по одной, когда выпадали две или пять плоских поверхностей.

Скулкрафт [Сноска: "Индийские племена" Скулкрафта, Т. II, стр. 71, 72.] говорится: "одним из главных развлечений сидячего характера являются различные игры, успех в которых зависит от удачи в числах. Эти игры, к которым прирастали как степные, так и лесные племена, приобретают очарование и интенсивность азартной игры; и самые ценные предметы часто ставятся на удачу броска. Для этой цели племена прерий обычно используют косточки дикой сливы или других аналогичных плодов, на которых выжжены или выгравированы и раскрашены различные приспособления, указывающие на их арифметическую ценность, чтобы с первого взгляда определить характер кусочков ". Среди племен дакота это известно под термином, который переводится как "игра в сливовые косточки". Он приводит иллюстрации устройств на пяти наборах камней, по восемь штук в каждом. "Чтобы играть в эту игру, в земле делают небольшое отверстие и кладут в него кожу; часто в нее также играют на одежде". [Сноска: Доменек. Том. II, стр. 191, Первый ежегодный отчет Бюро этнологии. Смитсоновский институт, 1881, стр. 195.] Женщины и юноши играют в эту игру. Чашу поднимают одной рукой и грубо толкают на место. Сливовые косточки несколько раз перелетают через себя. Ставку сначала делают все, кто желает сыграть. При желании одновременно может играть дюжина игроков.

Скулкрафт [Сноска: Том II, стр. 72.] описывает еще одну форму игры, которую он нашел у чиппева, в которой использовалось тринадцать фигур или кубиков. Девять из них были сделаны из кости и изображали рыб, змей и т.д. Одна сторона каждого была выкрашена в красный цвет и на ней были выжжены точки раскаленным железом. Латунные фигурки были круглыми, с одной стороны выпуклыми, а с другой - вогнутыми. Выпуклая сторона была яркой, вогнутая - темной или матовой. Красные фигурки были выигрышными, и каждая имела арифметическое значение. Играть могло любое количество игроков. Использовалась деревянная чаша с причудливой резьбой и орнаментом. Возможно, эта форма игры была изменена при контакте с белыми. Она кажется самой сложной [Примечание: Смотрите также более простую форму игры, описанную Филандером Прескоттом "Среди дакотов" — Schoolcraft, T. IV, стр. 64. Тенденция современных

индейцев развивать эту игру прослеживается в описании "стрельбы по отвесным камням", приведенном в "Социологии Омахи" преподобным Дж. Оуэном Дорси. Третий ежегодный отчет Бюро этнологии секретарю Смитсоновского института. Вашингтон, 1884, с. 335.] форма, в которой появляется игра. Однако факт остается фактом: в той или иной форме мы находим эту игру используемой по всей широте континента. [Примечание: полковник. Джеймс Смит описывает игру среди вайандотов. Отчет о замечательных событиях из жизни и путешествий полковника. Джеймс Смит во время своего пленения у индейцев в 1755-1759 годах. Цинциннати, 1870, стр. 46. Таннер также описывает это. Он называет это *бегга сах* или игральные кости. Рассказ Таннера, Нью-Йорк, 1830, стр. 114.]

СОЛОМЕННЫЕ Или ИНДЕЙСКИЕ КАРТЫ.

Третья игра, упомянутая отцом Бребефом, называлась "солома". Мы видели, что первая из этих игр требовала силы, ловкости и выносливости. Это было настолько свободно от элементов случайности, насколько это возможно в любом человеческом соревновании. Победа принадлежала той стороне, которая насчитывала в своем составе игроков, которые были самыми быстрыми бегунами, самыми искусными метателями и самыми ловкими уклоняющимися. Вторая игра была чисто азартной. При честной игре ни один другой элемент не входил в ее состав. Третий, который мы сейчас собираемся рассмотреть, был намного сложнее по своим правилам, чем любой из остальных. В некоторых отношениях она очень напоминала некоторые из наших современных азартных игр. Французы сочли ее очень трудной для понимания, и поэтому рассказы о ней, которые они дали, часто бывают путанными и сбивающими с толку. Буше [Сноска: с. 57.] говорит: "Наш французский народ еще не смог научиться хорошо играть в нее; она полна духа, и эти соломинки для индейцев то же, что карты для нас". Лафито [Сноска: Vol. II, стр. 351.] после цитаты из Буше говорится: "Барон де Лаонтан также превратил это в игру исключительно разума и расчетов, в которой тот, кто лучше всех знает, как складывать и вычитать, умножать и делить с помощью этих соломинок, несомненно, выиграет. Для этого необходимы использование и практика, ибо эти дикари - не что иное, как хорошие калькуляторы".

Сьер Перро, знаменитый путешественник и тот европеец, которого дикари Новой Франции больше всего почитали, оставил описание этой игры в своем рукописном Памятнике. Я бы с удовольствием вставил это сюда, но оно настолько неясное, что почти неразборчиво". Шарлевуа признает, что он ничего не мог понять в игре, за исключением того, что в ней играли два человека в ее простейшей форме, и добавляет, что ему сказали, что "в игре было столько же искусства, сколько и случая, и что индейцы в ней отличные мошенники". [Сноска: Charlevoix, Vol. III, стр. 319, отец Тайлбан, редактировавший Перро, говорит, что он был не более успешным, чем его предшественники, и игра в соломинки остается для него неразгаданной загадкой. Перро, Примечания к главе X, стр. 188.] Там, где Лафито и Шарлевуа, которым помогли возможности исследовать саму игру, потерпели неудачу, нам, похоже, бесполезно пытаться. Перро действительно преуспел в том, что его аккаунт безнадежно запутался. Однако из нее можно извлечь много информации, и неясные моменты, в конце концов, несущественны, если только кто-то действительно не захочет воспроизвести игру на практике. В этом случае есть много моментов, связанных с подсчетом очков, которые могут оказаться проблематичными.

Для игры требовалось несколько соломинок или тростинок одинакового размера и одинаковой длины. Обычно они были от шести до десяти дюймов в длину. Число, используемое в игре, было

произвольным. Лоусон называет его пятьдесят одним. Шарлевуа - двести один. Единственными существенными моментами было то, что числа должны быть нечетными и их должно быть достаточно, чтобы, когда стопка была разделена на две части, с первого взгляда было невозможно определить, в какой из двух частей находится нечетное количество соломинок. В своей простейшей форме игра заключалась в разделении кучи соломинок на две части, по одной из которых брал каждый игрок, и тот, в чьей куче было нечетное количество соломинок, становился победителем. Перед дележом соломинки подвергались манипуляциям, отчасти напоминающим перетасовку карт. Затем их клали на оленью шкуру или на любой другой предмет, выбранный в качестве поверхности для игры. Игрок, который должен был разделить соломинку на две кучки, со многими изгибами тела и взмахами рук, а также с постоянными возгласами, призывающими его удачу, должен был разделить соломинку заостренной костью или каким-либо подобным инструментом, сам беря одну из куч, в то время как его противник брал другую. Затем они быстро разделяли соломинки на участки по десять штук в каждом и по дробным остаткам определяли, у кого нечетное число. Скорость, с которой осуществлялся этот процесс подсчета, всегда вызывала удивление у зрителей, и почти неизменно упоминается тот факт, что подсчет производился десятками. Между двумя людьми, делающими ставки просто на нечетное число, никаких дополнительных правил не требовалось. Чтобы определить, у кого из них куча, содержащая нечетное число, не было необходимости подсчитывать общее количество десятков. Он должен был быть рассчитан за счет того, что осталось после того, как была отложена последняя стопка полных десятков. Само число могло быть либо одним, либо тремя, либо пятью, либо семью, либо девятью. В более сложной форме игры это привело к присвоению этим числам разных значений, причем девятка всегда была наивысшей и на нее были сделаны самые высокие ставки. Обычно считалось, что обладатель этого номера выигрывал на доске, принимая все ставки на другие номера, а также на девятку. Было легкоставить бусинки на бусинки и шкурки на шкурки в простой игре на чет или нечет, но когда был введен элемент разной ценности для разных комбинаций, потребовалось какое-то средство обмена, чтобы уменьшить сложности. Фруктовые косточки использовались точно так же, как фишки или фишки-фишки в современных азартных играх, и практически был создан обычный банк. Каждый игрок брал определенное количество этих фишек в качестве эквивалента стоимости товара, которым он предлагал рискнуть в игре, будь то оружие, одеяло или какой-либо другой предмет. Здесь мы имеем дело со всеми механизмами обычной азартной игры в карты, но сходство на этом не заканчивается. Игроки делали свои ставки точно так же, как они сейчас делают в игре фаро, выбирая свой любимый номер и фиксируя сумму, измеряемую стандартом игры, на которую они хотели поставить. "Рядом с соломинками, которые лежат на земле, находятся фишки (*зерна*), - говорит Перро, - на которые игроки делали ставки в игре". В другом месте способ указания ставок изложен следующим образом: "он (очевидно, имеется в виду тот, кто сделал ставку) также обязан сделать две другие кучи. В одну он положит пять, в другую - семь соломинок и столько фишек (*зерен*), сколько ему заблагорассудится". Эти фразы можно справедливо истолковать как означающие, что запись ставок, примерно в том же стиле, что и запись фишек на столе для игры в фаро, постоянно находилась перед игроками. Сложные правила определяли, когда игроки выигрывали или проигрывали; когда ставки должны были быть удвоены и когда они должны были учитывать вероятность повторного подсчета очков. Проигравшему в игре, даже после того, как все, что у него было с собой, пропало, иногда разрешалось продолжить игру под обещание заплатить. Если неудача все еще будет преследовать его, победитель может отказать ему в кредите и отказать играть по ставкам, которые он не может видеть.

Игра часто длилась несколько дней, одна за другой стороны сменяли своих товарищей по игре, пока одна из двух сторон не проигрывала все, что было, по словам Перро, [Примечание: стр. 19.] "максима дикарей - не прекращать игру, пока та или иная сторона не проиграет все". Те, кто делал ставки во время игры, имели право заменить любого человека, которого они пожелают сыграть за них. "Если бы по этому вопросу возник какой-либо спор, - говорит Перро, - между победителями и проигравшими, спорщики, поддерживаемые своими соответствующими сторонами, вероятно, подрались бы, пролилась бы кровь, и все это дело было бы очень трудно уладить". В этой игре часто имело место мошенничество. Его разоблачение считалось похвальным, а практика осуждалась. Если высказывались сомнения относительно точности подсчета, дело мирно улаживалось путем повторного подсчета двумя зрителями.

"Эта игра в соломинку, - говорит Перро, из рассказов которого мы составили вышеприведенный сборник, - обычно проводится в хижинах вождей, которые просторны и представляют собой, так сказать, Академию дикарей". Он завершает свой рассказ заявлением о том, что женщины никогда в это не играют. [Примечание: см. также "Хеннепин" Ши, стр. 300.] Авторитетный специалист по этой игре, которого цитирует Огилби, подчеркивает трудности описания, заявляя, что "в этой игре есть много других причуд, которые было бы слишком долго излагать на бумаге". Аббат Ферланд [Сноска: Т. I, с. 134.] следующим образом описывает результаты своего исследования этой игры: "Для успеха были необходимы память, расчет и острота зрения".

Как и игра в кости или тарелку, это была, по сути, домашняя игра, и, как и тарелка, она редко упоминается авторами, описывающими привычки индейцев на юге. Лоусон описывает это, но в слегка измененной форме, следующим образом: "Индийские карты. Их главная забава - что-то вроде арифметики, для которой используется пучок мелко расколотого тростника толщиной с небольшую гнутую ветку; они сделаны очень красиво, так что расходятся и легко поддаются обработке в их руках. Их пятьдесят один, их длина около семи дюймов; когда они играют, они бросают часть из них своему противнику; искусство состоит в том, чтобы с первого взгляда определить, сколько у вас их и что вы бросаете тому, кто играет с вами. Некоторые настолько разбираются в своих цифрах, что готовы десять раз подряд рассказать, что они выбрасывают из рук. Хотя вся игра ведется с максимально быстрым движением, которое только возможно использовать, все же некоторые настолько искусны в этой Игре, что выигрывают с помощью этой Игры большие индийские Поместья. Хороший набор этих тростинок, пригодных для игры, ценится и продается за выделанную шкурку лани".

А. У. Чейз [Примечание: Overland Monthly, том. II, стр. 433. Дорси обнаружил, что эта игра сохранилась среди омахас. Он называл это "подсчетом палочек". Третий ежегодный отчет, Бюро этнологии, стр. 338.] говорится о "туземных карточных играх кокелей и макнитан, картонки для которых представляют собой связки палочек". Он не дает описания игр, но использует ту же фразу, которая была применена Лоусоном в Северной Каролине и Буше в Канаде.

Фрэнк Х. Кушинг [Сноска: The Century, Vol. XXVI, стр. 38. Мои приключения в зуни.] говорит об игре в "Тростниковые карты" среди зуни, которая, по его словам, "украшила бы самое цивилизованное общество изысканным источником развлечений". Он был не в состоянии полностью осознать это.

В списке игр нет ни одной, о которой у нас есть подробное описание, которая по сложности конструкции могла бы сравниться с соломинками, в которые играли северные племена. Досадная путаница, которая преобладает во всем описании метода подсчета у Перро, и то,

каким образом этот момент был обойден вниманием всех других авторов по этому вопросу, препятствует любой попытке анализа. Насколько мы можем видеть, правила были произвольными и не основывались на каких-либо расчетах законов случайности. Если бы был обнаружен какой-либо другой подробный отчет об игре, было бы интересно проследить за этим вопросом и выяснить, насколько различные комбинации, влиявшие на подсчет очков, были основаны на теории вероятностей и насколько они были произвольными.

Конечно, следует отметить, что игра, описанная Лоусоном, была избавлена от большей части этих сложностей. Ловкость, необходимая для выполнения броска такого характера, чтобы игрок мог точно определить количество тростинок, с которыми он расстался, была, конечно, замечательной и, естественно, вызвала выражения удивления. Но, по-видимому, не было никаких других комбинаций, зависящих от броска, кроме простого угадывания брошенного числа. Путешественники в Калифорнии описали игру в еще более простой форме, в которой мы видим намеки на более сложную игру. Здесь "палочки" подбрасывались в воздух, и немедленно делалось предположение, было ли выпавшее число четным или нечетным. Судья вел счет с другими палочками, и на этот счет были скорректированы ставки. [Примечание: Коцебу, "Путешествие открытий" и др. Лондон, 1821, т. I, стр. 282 и т. III, стр. 44. примечание. У. Х. Эмори, U. S. and Mexican Boundary Survey, Vol. I, стр. 111, говорится: "Юма играли в игру палочками, похожими на соломинку". Стэнли, Разные коллекции Смитсоновского института. Т. II, стр. 55, среди своих "Портретов североамериканских индейцев" приводит изображение игры, которую он описывает как "в которую играют исключительно женщины". В руках они держат двенадцать палок длиной около шести дюймов, которые бросают на камень. Палки, которые падают друг на друга, засчитываются за дичь".]

Где бы мы ни находили его и в какой бы форме ни использовали, будь то простые или сложные игры, такие как лакросс или платтер, повод для игры в него был всего лишь предлогом для потворства закоренелому духу азартных игр, который царил повсюду.

ЧАНКИ Или ОБРУЧ С ШЕСТОМ.

Среди индейцев юга наблюдатели заметили и описали игру глубокой древности, о которой у нас нет записей в исторические времена среди индейцев севера, если только мы не должны классифицировать игру в метание копья, описанную Морганом [Сноска: Лига ирокезов, стр. 300.], как модифицированную форму той же игры. Общее название, под которым была известна эта игра, было чанки. Когда Ибервиль прибыл в устье Миссисипи, он отправил группу исследовать реку. Офицер, который вел "Журнал фрегата ле Марин", был одним из этой компании, и он записал тот факт, что баягулы и мугулахи проводили большую часть своего времени, играя в этом месте с большими палками, которыми они бросают вслед за маленьким камешком, который почти круглый и похож на пулю. [Примечание: Мегри, Деконвертес и др., Т. 4, с. 261.] Отец Гравье спустился по реке в 1700 году и в деревне Хумас увидел "прекрасную ровную площадь, где с утра до ночи молодые люди упражняются в беготне за плоским камнем, который они подбрасывают в воздух с одного конца площади на другой, и который они пытаются заставить упасть на два цилиндра, которые они катят туда, куда, по их мнению, упадет камень". [Примечание: Ранние путешествия Ши. Олбани, 1861, стр. 143.] Адэр дает следующее описание той же игры: "У "уорриорз" есть еще одна любимая игра, называемая "чункэ", которую, при соблюдении правил языка, можно назвать "Руководящей каторжной работой". У них есть рядом с их государственным домом [Сноска: Обратитесь, например, к памятникам аборигенов

Нью-Йорка, Смитсоновский институт вклада в знания, Vol. II, стр. 1356 и примечание на стр. 136.] квадратный участок земли хорошо очищают, и при необходимости на него тщательно насыпают мелкий песок, чтобы способствовать более быстрому перемещению того, что они разбрасывают по поверхности. Только один или двое на стороне играют в эту древнюю игру. У них есть камень шириной около двух пальцев по краю и на две пяди вокруг; у каждой стороны есть шест длиной около восьми футов, гладкий, сужающийся с каждого конца, с плоскими остриями. Они встают в ряд на расстоянии шести ярдов от конца игровой площадки; затем один из них бросает камень с ее края по максимально прямой линии на значительное расстояние к середине другого конца площадки. Когда они пробегают несколько ярдов, каждый бросает свой шест, смазанный медвежьим жиром, с надлежащей силой, настолько близко, насколько он может угадать, пропорционально движению камня, чтобы конец мог находиться близко к камню. В этом случае игрок отсчитывает две дичи, и пропорционально близости шестов к отметке засчитывается одна, если только при измерении не окажется, что обе находятся на равном расстоянии от камня. Таким образом, игроки будут продолжать бегать большую часть дня на половинной скорости под палящим солнцем, закрепляя свои серебряные украшения, кольца в носу, на пальцах и в серьгах, нагрудные, нарукавные и наручные пластины и даже всю свою одежду, за исключением той, что едва прикрывает талию. Все американские индейцы очень увлекаются этой игрой, которая нам представляется глупой рутинной; однако, по-видимому, она имеет древнее происхождение, когда их предки использовали развлечения столь же простые, как и их манеры. Камни для метания, которыми они пользуются в настоящее время, с незапамятных времен натирались о камни с огромным трудом; и они хранятся со строжайшей религиозной заботой из поколения в поколение, и их не разрешается хоронить вместе с умершими. Они принадлежат городу, где их используют, и бережно хранятся". [Сноска: См. также Историческое собрание, Луизиана и Флорида. Б. Ф. Френч (том II.), вторая серия, стр. 74, Нью-Йорк, 1875.]

Лейтенант. Тимберлейк [Примечание: Мемуары лейтенанта. Генри Тимберлейк и др., Лондон, 1765, стр. 77.] описывает игру так, как он видел, как в нее играли среди чероки, где она была известна под названием "Неттиавау". "У каждого игрока есть шест длиной около десяти футов с несколькими отметками или делениями. Один из них бросает в чашу круглый камень с одной плоской стороной, а другой выпуклой, по которому все игроки бросают за ним свои шесты, и ближайший считается в зависимости от близости чаши к отметкам на его шесте".

Римляне видели это у чокто. Он говорит: "Манера игры такова: они прокладывают аллею длиной около двухсот футов, где уложен очень гладкий глинистый грунт, который при высыхании становится очень твердым; они играют вдвоем, имея у каждого по прямой жерди длиной около пятнадцати футов; один держит камень в форме грузовика, который он бросает перед собой через эту аллею, и в момент его вылета они пускаются в бег; на бегу они бросают свои жерди вслед камню; тот, кто не бросал его, старается попасть в него; другой старается ударить шестом своего противника в цель. он летит так, чтобы шест его противника не ударился о камень. Если первый ударит по камню, он засчитывает один за это, и если другой ловкостью своего броска предотвратит удар шестом своего противника по камню, он засчитывает один, но если оба промахнутся мимо цели, бросок возобновляется".

Le Page du Pratz [Footnote: Histoire de la Louisiane, Paris, 1738, Vol. III, стр. 2.] описывает игру, практикуемую среди натчезов. Он называет это "*Leu de la Perche*", которую лучше было бы назвать *de la crosse*". Дюмон, который служил в Натчезе, а также на Yazoo, описывает игру и

называет ее "La Crosse". [Footnote: Memoires Historiques sur la Louisiane, Paris, 1753, Vol. I, стр. 202.]

Адэр прав, когда говорит о древности этой игры. Когда он останавливается на том факте, что эти камни передаются из поколения в поколение как собственность деревни, он сближает эти племена с обитателями курганов. Санье, [Сноска: Древние памятники долины Миссисипи, стр. 223.] говоря о дискообразных камнях, найденных в курганах, говорит: "Известно, что среди индейских племен Огайо и вдоль залива такие камни широко использовались в определенных любимых играх". Люсьен Карр [Сноска: 10-й ежегодный отчет Музея Пибоди, стр. 93. См. Также "Индейские племена" Скулкрафта, том. I, стр. 83.] описывает и изображает камень чанки из кургана Эли, Вирджиния. Льюис и Кларк [Сноска: Экспедиция Льюиса и Кларка, Phila, 1814, Vol. I, стр. 143.] описывает игру, в которую играли манданы. У этого племени была подготовлена деревянная платформа на земле между двумя их вигвамами. По этой платформе катили каменное кольцо, и палочки скользили по полу вслед за ним. Кэтлин [Сноска: Том. I, стр. 132 и далее. Дорси описывает две формы игры, используемые среди омахас: "стрельба по катящемуся колесу" и "палка и кольцо" в Третьем ежегодном отчете. Бюро этнологии, стр. 335-336. ср. "Путешествия во внутренние районы Америки в 1809, 1810 и 1811 годах" Джона Брэдбери, стр. 126.] описывает игру, в которую играли те же племена. У них было тщательно подготовленное глиняное покрытие, на котором они играли. Ключки "Чанки" были помечены кусочками кожи, и количество очков в игре зависело от положения кожи, на которой лежало кольцо или рядом с ней. Мохавцы привыкли играть в подобную игру, которая была описана под названием "Обруч и шест". [Сноска: лейтенант А. У. Уиппл в Pac. R. R. Rep. Vol. III, стр. 114; Журнал Harper's, том. XVII, стр. 463; Доменек. Том. II, стр. 197; "Коренные расы" Х. Х. Бэнкрофта, том. I, стр. 393, стр. 517 и примечание 133. "Боевые опыты калифорнийских добровольцев" Эдварда Карлсена, "Оверленд", том. VII, № 41. 2-я серия, стр. 494.] В похожую игру играли индейцы навахо. [Примечание: Майор Э. А. Бэкус в "Школьном ремесле". Том. IV, стр. 214.]

Юма играли в игру с двумя шестами длиной пятнадцать футов и кольцом диаметром несколько дюймов. [Сноска: У. Х. Эмори, Исследование границ США и Мексики, том. I, стр. 111.] Кейн [Сноска: "Странствия Кейна", стр. 310; "Коренные расы" Х. Х. Бэнкрофта, том. I, стр. 280] говорится, что у индейцев Чуалпай в Форт-Колвилл на реке Колумбия "есть игра, которую они называют "Алколлок", требующая значительного мастерства. Выбирается гладкий, ровный участок земли, и на каждом конце выбранного места устанавливается небольшой барьер из пары палок, расположенных вдоль, на расстоянии от сорока до пятидесяти футов друг от друга и всего в несколько дюймов высотой. Два игрока, раздетые догола, вооружены очень тонким копьем, около трех футов длиной, с тонким костяным заострением; один из них берет кольцо, сделанное из кости или какого-нибудь тяжелого дерева и обмотанное веревкой. Кольцо имеет около трех дюймов в диаметре, по внутренней окружности которого закреплены шесть бусин разного цвета, расположенных на равных расстояниях, каждой из которых придано отдельное значение. Затем кольцо катится по земле к одному из барьеров, за которым игроки следуют на расстоянии двух или трех ярдов, и когда кольцо ударяется о барьер и падает набок, бросаются копья, так что кольцо может упасть на них. Если какое-либо из копий должно быть закрыто кольцом, владелец считает в соответствии с цветной бусинкой на нем. Но обычно благодаря ловкости игроков получается, что кольцо закрывает оба копья, и каждый считается в соответствии с цветом бусин над своим копьем. Затем они направляются к другому барьеру и так далее, пока одна из сторон не наберет номер, согласованный для игры".

В своей "Жизни среди апачей" [Сноска: "Жизнь среди апачей" Джона К. Кремони, стр. 302.] Полковник Кремони описывает игру с обручем и шестом, в которую играют апачи. У них шест отмечен делениями по всей длине, и эти деления окрашены в разные цвета. Цель игры состоит в том, чтобы сделать так, чтобы обруч упал на шест как можно ближе к торцу, при этом градуированные значения применяются к различным участкам шеста. Женщинам не разрешается приближаться ближе чем на сто ярдов, пока продолжается игра. [Примечание переписчика: пространная сноска перенесена в конец главы.] Те, кто описывал эту игру в различных формах, в которых она была представлена, подчеркивают тот факт, что она требовала силы, активности и мастерства игроков. В этом отношении она соперничала с лакроссом. По географическому ареалу территория, на которой он был одомашнен, была почти такой же.

Несомненно, найдется много тех, кто откажется признать дискообразные камни курганов камнями чанки, но нельзя отрицать, что "*нетлекаво*" чероки [Примечание: Тимберлейк, стр. 77.], "обруч и шест" мохавцев и апачей [Примечание: Уиппл, Республиканская республика, Т. III, стр. 114. Кремони, стр. 302, журнал Harper's Mag. Vol. XVII, с. 463.], вторая форма "копья и кольца", описанная Доменеком, [Сноска: Domenech, Vol. II, с. 197.] "*алколлок*" чуалпаев [Сноска: "Странствия Кейна", с. 310.] и чанки римлян и Адэра - это одна и та же игра. Переход от дискообразного камня к кольцу; различные материалы, из которых сделано кольцо, будь то камень, [Примечание: Льюис и Кларк, т. I, с. 143; Кэтлин, т. I, стр. 132.] из кости, [Сноска: "Странствия Кейна", стр. 310.], из дерева, [Сноска: "Кремони", стр. 302.] или из веревки; [Сноска: "Уиппл", Рас. R. R. Rep., Vol. III, стр. 114.], обмотанные веревкой [Примечание: "Странствия Кейна", стр. 310.] или простые; разная длина копий варьировалась от трех футов [Примечание: там же.] до десяти футов [Примечание: Тимберлейк, стр. 77; Кремони, стр. 302.] и даже достигала пятнадцати футов в длину среди мохавцев; [Примечание: Уиппл, Рас. R. R. Rep., Vol. III, стр. 114.] различные отметины на копье [Сноска: Кремони, стр. 302; Доменек, том. II, стр. 197; Тимберлейк, стр. 77.] и кольцо; [Примечание: "Странствия Кейна", стр. 310.] различные способы подготовки основания, будь то утрамбовка глиной, [Примечание: Кэтлин, т. I, стр. 132.] или настил из дерева, [Примечание: Льюис и Кларк, т. I, стр. 148.] или просто удаление растительности, [Примечание: Доменек, т. II, стр. 197.] — все эти незначительные различия не имеют большого значения. Поразительным фактом остается то, что все это огромное количество племен, столь широко разделенных, играли в игру, основными требованиями которой были быстрое вращение небольшого круглого диска по подготовленной поверхности и запуск в диск подготовленных деревянных орудий, похожих на копья, во время движения или сразу после его остановки. Как и лакросс, он использовался как возможность для азартных игр, но из-за ограниченного пространства, на котором в него можно было играть, количество игроков было ограничено, и в этой степени интерес к соревнованиям и сопутствующее им волнение пропорционально снижались.

[Перенесенная сноска: Гавайцы имели обыкновение бросать кусок твердой лавы по узким траншеям, подготовленным для этой цели. Камень, который назывался Майка, очень напоминал камень чанки. Он описывается как имеющий форму небольшого колеса или валика, диаметром три дюйма и толщиной полтора дюйма, очень гладкий и хорошо отполированный. Эта игра, по-видимому, ограничивалась соревнованием в мастерстве перекачивания или метания самого камня. Дополнительный интерес, который придавался метанию в него копий во время движения, был недостаточным. Рассказ Чарльза Уилкса об исследовательской экспедиции США, Лондон, 1815, т. IV, стр. 35.]

ДРУГИЕ СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ.

В дополнение к играм в лакросс, тарелку или кости, соломинку и чанки, существовали и другие игры, некоторые спортивного характера, некоторые чисто случайные, которые описывали наблюдатели, некоторые из которых упоминаются только в ограниченных областях, в то время как в другие, подобные вышеупомянутым играм, играли индейцы, разбросанные по обширной территории и, по-видимому, имеющие мало общего. Некоторые из этих игр были лишь модифицированными формами тех, которые уже были описаны. Такова, например, игра в мяч, описанная Лафито [Сноска: Lafitau, Vol. II, стр. 353.] и Шарлевуа. [Сноска: Шарлевуа, т. III, стр. 319.] Это очень напоминало лакросс по своим общим методам игры, но поскольку ракетки не использовались, это было менее опасно и менее захватывающе. Ворота были установлены на каждом конце поля, разделенные пятьюстами шагами, согласно Лафито. Игроки были разделены на команды. Мяч подбрасывался в воздух в центре поля. Когда мяч падал, игроки каждой стороны старались поймать его. Тот, кому это удавалось, бежал в направлении цели, которой он хотел достичь. Игроки противоположной стороны преследовали его и делали все, что могли, чтобы помешать ему достичь своей цели. Когда было очевидно, что бегущий не может больше продвинуться вперед, он передавал мяч, если это было возможно, какому-нибудь игроку с той же стороны, и его успех в достижении этого во многом зависел от его мастерства. Эта игра, вероятно, не такая старая, как лакросс, поскольку мяч описывается как более крупный и мягкий, чем тот, который используется в лакроссе, что указывает на то, что он принадлежал к периоду, когда в этой игре использовался мяч из набивной оленьей кожи.

И Дюмон, и Ле Паж дю Прац описывают эту игру с таким различием, [Сноска: Дюмон, том. I, стр. 201, Лепаж, том. I, стр. 378.] что мяч, согласно их описаниям, беспрестанно подбрасывали в воздух. Римляне говорят, что в эту игру играли женщины; а Лафито, который описывает ее отдельно, добавляет, что в таком виде в нее играли только девочки. Он также говорит, что абенаки баловались похожей игрой, используя надутый пузырь вместо мяча; и что индейцы Флориды прикрепили ивовую клетку к шесту таким образом, чтобы она могла вращаться, и пытались ударить по ней мячом так, чтобы она повернулась несколько раз. [Сноска: Лафито. Том II, стр. 158.]

Джоутел в своем историческом дневнике описывает любопытную игру следующим образом: "Взяв короткую палку, очень гладкую и смазанную маслом, чтобы ее было труднее крепко держать, один из старейшин бросает ее как можно дальше. Молодые люди бегут за ним, выхватывают его друг у друга, и, наконец, тот, у кого оно остается, получает первую партию". [Сноска: Исторические собрания Луизианы Френча, том. I, стр. 188; "История Соединенных Штатов до революции" Сэнфорда, стр. clxxxii.]

Футбол встречается на севере. Огилби [Сноска: Огилби, Книга II, глава. II, стр. 156. См. также рассказ Смита, стр. 77.] говорится: "Их ворота длиной в милю расположены на песке, ровном, как доска; их мяч не больше ручного, который иногда они подбрасывают в воздух голыми ногами, иногда им размахивает толпа, иногда также проходит два дня, прежде чем они забивают гол, затем они отмечают площадку, которую выиграли, и начинают там на следующий день. Прежде чем заняться этим видом спорта, они разрисовывают себя, как перед тем, как

отправиться на войну ". На юге это "также было их любимым мужским развлечением". [Сноска: Бартрам, стр. 509.]

Определенные формы игры с мячом, которые не были ни лакроссом, ни чанки, но которые напоминали эти игры, были найдены в разных населенных пунктах. Такова, например, игра, в которую, как видела Кэтлин [Примечание: т. II, стр. 146.], играли женщины племени сиу. Два мяча были связаны бечевкой длиной в полтора фута. Каждая женщина была вооружена клюшкой. Они были разделены на равные части. Были забиты голы, и игра в некотором отношении напоминала лакросс. В игре были сделаны ставки. Эта игра также описана Доменеком, [Сноска: Vol. II, стр. 196.], который говорит, что женщины были одеты в специальный костюм, оставлявший конечности свободными, и что игра была "неприличной". Пауэрс [Сноска: Вклад в североамериканскую этнологию, Т. III, с. 383.] обнаружил игру среди нишинамов, на западном склоне Сьерра-Невады, недалеко от Сакраменто, которая в некоторых отношениях также напоминала лакросс. Он говорит, что "'Ту'-кел" - единственная по-настоящему надежная и спортивная игра, которую они используют, и в нее играет большая компания мужчин и мальчиков. Фигура [Примечание: эквивалент в игре мяча в лакроссе.] сделана из необработанной кожи или в настоящее время из прочной ткани и имеет форму маленькой гантели. Его укладывают в центре широкого ровного участка земли, в борозду, выдолбленную на несколько дюймов глубиной. На равном расстоянии от него, на расстоянии нескольких шагов друг от друга, проводятся две параллельные линии, и вдоль этих линий выстраиваются равные по силе противоборствующие стороны. Каждый игрок вооружен небольшим, прочным посохом длиной от четырех до шести футов. Два чемпиона партии занимают свои места по разные стороны шашки, которая подбрасывается в воздух, ловится посохом одного из игроков и швыряется им в направлении ворот своего противника. После этого протирания начинается дикая погоня и давка, неразбериха, каждая сторона стремится забросить фишку выше ворот другой. Эти цели находятся на расстоянии нескольких сотен ярдов друг от друга.

В статье в журнале Overland Monthly, [Сноска: Том II, стр. 433. См. также рассказ Смита, стр. 77.] А. В. Чейз следующим образом описывает игру, популярную среди индейцев штата Орегон, которая, по его словам, была идентична хоккею: "После выбора сторон каждая старается гонять твердый мяч из соснового дерева вокруг кола в разных направлениях; раздетые до нитки, они демонстрируют большую активность и силу, нанося удары по голеним друг друга, если они мешают, с освежающим пренебрежением к ушибам. Скво помогают в представлении, ударяя в барабаны и поддерживая монотонное пение ". В первой из двух игр "копье и кольцо", описанных Доменеком, [Сноска: Vol. II, стр. 197-8.] игроки делятся на команды. Каменное кольцо диаметром около трех дюймов устанавливается вертикально на выбранной площадке, и игроки по двое, по одному с каждой стороны, пытаются метнуть свои копья через кольцо. Копья помечены по длине маленькими щитками или кусочками кожи, и на их количество влияет количество их, прошедших через кольцо. Он также упоминает игру [Примечание: он не называет свои полномочия в отношении этой игры. Он, очевидно, скопировал в своей книге из других авторов, но редко указывает, основаны ли его описания на личных наблюдениях или цитируются.] среди натчезов кольцо представляло собой "огромный камень", а копье - "палку в форме летучей мыши".

Если мы отнесем первую игру Доменека в "копье и кольцо" к числу тех, которые напоминают чанки, а не к разновидности самого чанки, мы, вероятно, будем вынуждены следовать тем же

курсом в отношении игры Моргана в "джавелин", на которую мы уже ссылались. [Примечание: Лига ирокезов, стр. 300.] В этой игре игроки разделились на команды. У каждого игрока было согласованное количество дротиков. Кольцо, которое представляло собой либо обруч, либо было сделано сплошным, как колесо, путем намотки шин, имело около восьми дюймов в диаметре. Игроки с одной стороны выстраивались в линию, и обруч катался перед ними. Они метнули свои дротики. Счет игры был сохранен за счет конфискации дротиков. Те, которые попали в цель, были безопасны, но копья, которые не попали, были переданы игрокам другой стороны, которые затем имели возможность бросить их в кольцо с того же места. Если эти игроки добивались успеха, дротики конфисковывались и выбывали из игры. Однако, если они, в свою очередь, терпели неудачу, дротики возвращались их первоначальным владельцам. Затем обруч перекачивался другой стороной, и процесс продолжался до тех пор, пока одна из сторон не лишилась всех своих дротиков.

ДРУГИЕ АЗАРТНЫЕ ИГРЫ.

Существовало разнообразие в формах игр на простой случай, а также в спортивных играх, и помимо тех, которые уже были описаны, у индейцев Тихоокеанского побережья было большое разнообразие игр или форм одной и той же игры, в которых, помимо элемента случайности, связанного с определением количества или положения определенных клюшек или фишек, у игрока, манипулировавшего ими, была также возможность обмануть с помощью ловкости рук. Самая простая форма, в которой это встречается, - угадывание, в какой руке находится небольшой камень или кость. Казалось бы, едва ли это бесхитростное усилие можно превратить в забавную и захватывающую игру; однако оно привлекло внимание всех путешественников, и едва ли найдется писатель, описывающий привычки индейцев тихоокеанского побережья, который не дал бы полного описания этой простой игры. Льюис и Кларк, [Сноска: Льюис и Кларк, том. II, 140; а также II, 94.] когда пишешь об индейцах близ устья Колумбии, скажи: "Игры бывают двух видов. В первом случае один из членов компании занимает должность банкира и играет против остальных. Он берет маленький камешек размером примерно с фасолину, который с большой ловкостью перекладывает из одной руки в другую, повторяя при этом песенку, приспособленную к игре и служащую для отвлечения внимания компании, пока, договорившись о ставках, он не протянет руки, и противник выигрывает или проигрывает в зависимости от того, удастся ему угадать, в чьей руке камень, или нет. После того, как банкир потерял свои деньги или когда он устал, камень передается другому, который, в свою очередь, бросает вызов остальным сотрудникам компании. [Сноска: Смотрите также, "Приключения на реке Колумбия" Росса Кокса, стр. 158; "Территория Орегона" Джона Данна, стр. 93; "Четыре года в Британской Колумбии" командера Р. К. Мэйна, стр. 273; "Команчи в Техасе с пулей" Роберта С. Соседей в "Скулкрафте", т. II, стр. 134; у твана с одной или двумя костями, Бюллетень Геологии США. Обзор, том. III, № 1, стр. 89, преподобный М. Илз.] В отчете, приведенном Джорджем Гиббсом [Сноска: Вклад в североамериканскую этнологию, Т. I, стр. 206.] количество дичи среди племен западного Вашингтона и северо-западного Орегона велось с помощью палочек. Каждая сторона брала по пять или десять маленьких палочек, одна из которых передавалась победителю при каждом угадывании, и игра заканчивалась, когда стопка одной стороны была исчерпана. По его словам, "сторонники партии-манипулятора продолжают постоянно барабанить палочками по своим лопаткам, которые лежат перед ними, распевая заклинание для привлечения удачи". Пауэрс описывает другую форму, в которой развилась игра среди индейцев центральной Калифорнии. В нее "играют с помощью кусочка дерева или

камешка, который встряхивают в руке, а затем рука сжимается на нем. Противник угадывает, под каким пальцем (большой палец у них - это палец) он находится, и забивает одному, если он попадает, или другому, если он промахивается. Они ведут подсчет с помощью восьми жетонов." [Примечание: Вклад в североамериканскую этнологию, том III, стр. 332-3.]

Шватка в своем недавнем исследовании Юкона обнаружил эту дичь среди чилкатов. Это называлось *сла-ад*. Использовались две кости. Одна была королевой, а другая - королевой. Его упаковщики играли в угадку по костям каждый день и вечер после прибытия в лагерь. [Примечание: Вдоль Великой реки Аляски. Фредерик Шватка, стр. 71.]

Простота игры была изменена за счет введения похожих предметов в каждой раздаче, вопрос, который необходимо решить, заключался в том, в какой раздаче должен быть найден один из них с указанным знаком. Кейн [Сноска: "Странствия Кейна", стр. 189.] так описывает подобную игру среди "чинуков": "Их игр немного. Одна из них, которую чаще всего разыгрывают, состоит в том, чтобы держать в каждой руке по маленькой палочке толщиной с гусиное перо и длиной около полутора дюймов, одна простая, другая выделена маленькой ниткой, намотанной на нее, при этом противоположная сторона должна угадать, в какой руке находится отмеченная палочка. Чавыча будет играть в эту простую игру дни и ночи напролет, пока не проиграет все, что у него есть, даже своей жене". [Примечание: См. также Overland, Vol. IV, стр. 163, Powers, H. H. Bancroft's Native Races, том. V в 244 иногда используются глиняные шарики, там же, том. I, стр. 353, "Северо-Западное побережье" Джеймса Г. Суона, стр. 158, "Монтана как она есть" Грэнвилла Стюарта, стр. 71.]

Среди юта была распространена такая форма игры: "Ряд игроков, состоящий из пяти, шести или дюжины человек, располагается по обе стороны палатки лицом друг к другу. Перед каждым человеком кладут пучок маленьких веточек или палочек, каждая длиной шесть-восемь дюймов и заостренных с одного конца. Каждой паре, играющей тет-а-тет, выдаются два костяных кубика цилиндрической формы, тщательно выточенных и тщательно отполированных, размером около двух дюймов в длину и полдюйма в диаметре, один из которых белый, а другой черный или иногда украшен черной полосой." Сзади сидели музыканты, которые во время игры били в грубые барабаны. [Примечание: Эдвин Р. Бейкер в "Американском натуралисте", июнь 1877 г., т. XI, стр. 551.] В этой игре можно заметить, что игроки разделились на пары, и, очевидно, каждый играл сам за себя.

В другой форме игры введен еще один элемент, который увеличивает возможности, предоставляемые тому, кто манипулирует костями на ловкость. Пауэрс неоднократно упоминает эту форму игры. Рассказывая о привычках и обычаях гуалала, чьи дома находились недалеко от Форт-Росса, он описывает то, что он называет азартной игрой в "*wi* и *тэл*" и говорит, что одно описание с небольшими вариациями подходит почти для всех племен центральной и южной Калифорнии. После описания состава круга ставок он добавляет: "Они играют четырьмя костяными цилиндрами длиной около двух дюймов, два из которых простые, а два помечены кольцами и веревочками, привязанными посередине. Игру ведут четверо старых и опытных мужчин, часто с седыми головами, по двое от каждой стороны, сидящие на корточках по разные стороны костра. Перед ними лежит некоторое количество тонкой сухой травы, и ихруками в быстрых жонглирующих движениях перед собой и позади себя они скатывают каждую косточку в маленький шарик, и противоположная сторона в настоящее время угадывает, в какой руке находится отмеченная кость. Обычно за раз угадывает только один, что он и делает со словом

"*le*" (отмеченный) и "*wi*" (обычный). Если он угадывает правильно за обоих игроков, они просто бросают кости ему и его партнеру, и ни одна из сторон ничего не выигрывает. Если он угадывает правильно для одного и неправильно для другого, тот, за кого он угадал правильно, выбывает из игры, но его партнер бросает кости для следующего испытания, и угадавший проигрывает ему одну из своих двенадцати фишек. Если он угадывает неправильно для обоих, они все равно продолжают, и он теряет две фишки. Всего двенадцать фишек, и когда все они были выиграны той или иной стороной, игра заканчивается. [Сноска: Полномочия во вкладах в североамериканскую этнологию, Том. III, стр. 90-152; 189-332.] Иногда в ту же игру играли без соблюдения формальностей заворачивания фигурок в траву, просто встряхивая их в руках в качестве предварительного условия для угадывания. [Сноска: Вклад в североамериканскую этнологию, том. III, 332; Приключения Александра Росса, стр. 308, 309.]

Несколько иной метод преобладает среди индейцев Вашингтона и северо-западного Орегона. Используются десять дисков из твердого дерева, каждый диаметром с мексиканский доллар и несколько толще. - Один из них помечен и называется "вождь". На земле расстилается гладкий коврик, на концах которого сидят игроки соперника, их друзья по обе стороны, которым предоставлены необходимые средства для создания шума, как и в другом случае. У стороны, держащей диски, есть пучок волокон кедровой коры, в который он заворачивает их и, раскатав, разрывает сверток на две части, а его противник угадывает, в каком свертке лежит вождь". [Примечание: Вклад в североамериканскую этнологию, Гиббс, том I, стр. 206.] Та же самая игра описана Кейном, за исключением того, что фишки, вместо того чтобы быть завернутыми в один сверток, который впоследствии разрывается надвое, изначально завернуты в два свертка. [Сноска: "Странствия Кейна", стр. 189; "Северо-Западное побережье Суона", стр. 157, "Угри в бюллетене U.S.G. Surv., Vol. III, № 1.]

Еще одна сложность игры в угадайку была описана Мейном. [Сноска: "Британская Колумбия" Мейна, стр. 275.] На земле были расстелены одеяла, посыпанные опилками толщиной около дюйма. В нее помещался жетон - кусок кости или железа размером с полкроны, и один из игроков перетасовывал его, а остальные, в свою очередь, угадывали, где он находится.

Игра в "мокасины" была всего лишь модификацией этой игры. По описанию Филандера Прескотта, дакоты использовали в этой игре три мокасина. Манипуляторы перекладывали кость или палку из одного мокасина в другой, а остальные должны были угадать, в каком мокасине ее найти. Каким бы простым ни казалось это описание, мужчины разделялись на команды, играли друг против друга и сопровождали игру пением. [Сноска: Schoolcraft, том. IV, стр. 64; Доменек, том. II, с. 192.]

Среди зунийцев игра в угадайку была возведена в ранг священного праздника. Фрэнк Х. Кушинг [Примечание: The Century, Vol. XXVI, стр. 37.] дает следующий отчет о своей практике. "Однажды утром два главных жреца лука взобрались на крыши домов и как раз на восходе солнца произнесли "молитвенное послание" от богов, окружающих горы. Восемь игроков отправились *вкли-ви-лайнский* пост и четыре дня спустя вышли оттуда, неся четыре большие деревянные трубки, каменный шар и связку из тридцати шести соломинок для счета. С большой церемонией, множеством молитв и заклинаний трубки были помещены на две ложные горы песка по обе стороны от "гранд-плазы". Начала собираться толпа. Он становился все больше и шумнее, пока не превратился в бурлящую, крикливую черную массу. Постепенно две груды тканей — сосуды, серебряные украшения, ожерелья, вышивки и символы, изображающие

лошадей, крупный рогатый скот и овец, — вырастают до больших размеров. Женщины собрались на крышах вокруг, яростно протягивая предметы для ставок, пока один из председательствующих священников не выкрикнул короткое сообщение. Толпа замолчала. Была возведена будка, под которой уединились двое игроков; и когда ее убрали, четыре трубки стояли на насыпи песка. Начались песни и танцы. Одного за другим троим из четырех игроков соперника предлагалось угадать, под какой трубкой спрятан мяч. При каждом угадывании крики противной стороны становились оглушительными, а имитация борьбы приближалась к яростной схватке. Угадавший последним нашел мяч; и когда он победоносно перенес мяч и трубки на свою площадку, его команда забила десять голов. Процесс повторился. Вторым угадавший нашел мяч; его команда набрала пятнадцать очков, отбросив остальных на пять. Подсчетов было сто; но так запутанны были выигрыши и проигрыши обеих сторон при каждом угадывании одной из них, что час за часом игра продолжалась, и наступила ночь. На площади были разведены костры, зажжены сигареты, но игра все равно продолжалась. Танцоры становились все шумнее и бесшумнее; все более оскорбительными и вызывающими становились их песни и эпитеты в адрес противостоящей толпы, пока они не заскрежетали зубами друг на друга, но без драк. Над все еще неопределенным состязанием забрезжил день; и только когда солнце снова коснулось западного горизонта, хриплые, все еще вызывающие голоса затихли вдали, и победившая сторона унесла свои горы даров богов". Живописное описание Кушинга предстает перед нашими глазами игрой в угадайку в ее высшей форме развития. У восточных племен, если у этого вообще был дом, это практиковалось таким незаметным образом, что не привлекало внимания авторов, описывавших их привычки и обычаи. Ближайший подход к этому, который мы можем найти, — это игра в угадайку, описанная Хеннепином следующим образом: "Они берут зерна индийской кукурузы или что-то в этом роде, затем кладут несколько зерен в одну руку и спрашивают, сколько их. Выигрывает тот, кто угадает.

Маккензи [Сноска: Путешествия Александра Маккензи в 1789 и 1893 годах, Лондон, 1801, стр. 311.] встретился с несколькими индейцами недалеко от тихоокеанского побережья, которые прошли с ним небольшое расстояние. Они носили с собой инструменты для азартных игр. Их игра отличалась от игр в угадайку, которые были описаны ранее. "Там было два игрока, и у каждого была связка примерно из пятидесяти маленьких, аккуратно отполированных палочек размером с гусиное перо и длиной пять дюймов. Определенное количество их клюшек было обведено красными линиями, и столько из них, сколько одному из игроков могло показаться удобным, было каким-то странным образом завернуто в сухую траву, и в зависимости от мнения его противника относительно их количества и отметок он проигрывал или выигрывал".

Фрэнсис Пул видел ту же игру на островах королевы Шарлотты. [Примечание: Остров королевы Шарлотты, рассказ и т.д., стр. 25.] Он говорит, что в этой игре было от "сорока до пятидесяти круглых кеглей или кусочков дерева длиной пять дюймов и толщиной одну восьмую дюйма, раскрашенных черными и синими кольцами и прекрасно отполированных". Эти булавки были разделены на две кучки под прикрытием волокон коры, и игрок напротив угадывал четные или нечетные значения для одной из куч.

СОСТЯЗАНИЯ В МАСТЕРСТВЕ.

Льюис и Кларк [Сноска: Vol. II, стр. 140.] описывают игру индейцев штата Орегон, которую нельзя назвать ни спортивной, ни азартной игрой, но которая, по-видимому, была простым

соревнованием в ловкости. "В пол на расстоянии примерно фута друг от друга воткнуты две булавки, а за ними проделано небольшое отверстие. Затем игроки отходят примерно на десять футов от лунки, в которую они пытаются закатить маленькую фишку, напоминающую шашки, используемые игроками в шашки; если им удастся положить ее в лунку, они выигрывают ставку; если фишка прокатывается между кеглями, но не попадает в лунку, ничего не выигрывается и не проигрывается; но пари полностью проигрывается, если шашка выкатывается за пределы кеглей".

Морган [Сноска: Лига ирокезов, стр. 303.] описывает зимнее соревнование в ловкости среди ирокезов, которое он называет снежной змеей. Так называемые змеи были сделаны из гикори. Они были от пяти до семи футов в длину, четверть дюйма в толщину, сужаясь от дюйма в ширину на голове до примерно половины дюйма на хвосте. Голова была круглой, слегка вздернутой и утяжеленной свинцом. Этим орудием выстреливали по снежной корке вручную с большой скоростью, и очко в игре выигрывала змея, пробежавшая наибольшее расстояние. Когда несколько игроков были разделены на стороны, если было две, три или более змей с одной стороны, которые были впереди змей с другой стороны, все они засчитывались. Такие состязания обычно проводились между племенами и вызывали большой энтузиазм и обычное количество ставок. В более простой форме Сагард Теодат описывает этот вид развлечения.

ДРУГИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ.

Под названием "*Fuseaux*", La Potherie [Сноска: Vol. III, стр. 24.] описывает подобную зимнюю игру детей. Далее он говорит, что женщины играли только в тарелку или кости. Дети играли в лакросс, редко в тарелку. Мы видели, что женщины в некоторых частях страны участвовали в играх по лакроссу. Иногда они играли в него сами, а иногда играли в другие игры с мячом, которые очень напоминали эту игру. Римляне описывают женскую игру, в которой они подбрасывали мяч, который нужно было поймать до того, как он достигнет земли; но тем временем тот, кто его подбрасывал, должен был поднять с земли маленькую палочку.

"Женщины Натчеза", [Сноска: "Страница Праца", том III, стр. 2, Доменек, том. II, стр. 192.] согласно Le Page du Pratz, играли тремя кусочками трости, каждый длиной восемь или девять дюймов, плоскими с одной стороны и выпуклыми с другой, с гравировками на выпуклой стороне. Две из них держали на раскрытой ладони левой руки, а третью опускали круглой стороной вниз на концы двух, так что все они падали на землю. Если выпадали две выпуклые поверхности, игрок выигрывал. Он также говорит, и в этом Римляне с ним согласны, что женщины очень не хотели, чтобы их видели во время игры.

Среди натчезов молодые девушки играли в мяч мячом из оленьей кожи, набитым испанским мхом. Кроме этого, как ему показалось, у них не было никаких игр. [Примечание: Le Page du Pratz, том III, стр. 2.] Согласно римлянам, молодые чокто занимались борьбой, бегом, поднятием больших тяжестей и игрой в мяч. Хеннепин говорит: "дети играют с луками и двумя палочками, одной большой и одной маленькой. Они держат маленького в левой, а большего - в правой руке, затем большим подбрасывают меньшего в воздух, а другой бежит за ним и бросает его в того, кто его подбросил. Они также делают шар из флажков или кукурузных листьев, который подбрасывают в воздух и ловят на конец заостренной палки". Пауэрс [Сноска: Вклад в североамериканскую этнологию. Том. III, с. 331.] описывает игру среди детей нишинамов, которая заключалась в перебрасывании пучков клевера от одного к другому, и другую, в

которой мальчики становились на три базы и перебрасывали мяч от одной базы к другой. Очки набирались, как и в базовом мяче, бегом по базам, по возможности, без выбывания того, у кого в тот момент был мяч. Чокто [Примечание: Romans, стр. 70, Bossu, Vol. I, стр. 308.] мальчики пользовались тростниковым стеблем длиной восемь или девять футов, с которого были сняты препятствия на стыках, подобно тому, как мальчики пользуются так называемым нагнетателем шпаклевки. Говорят, что дети зуни играют в шашки осколками керамики на плоских камнях. [Примечание: The Century, том. XXVI, стр. 28, Кушинг.]

Состязания в беге, плавание, борьба, простые игры с мячом, на которые скорее намекают, чем описывают, упражнения в стрельбе из лука и метании копья или дротика доставляли индийской молодежи такие развлечения, которые можно было найти вне состязаний, в которых участвовали его старшие. Большинство из этих последних были настолько просты, что их легко понимала самая молодежь, и мы легко можем понять, насколько глубоко порок азартных игр, должно быть, укоренился в их умах, когда они увидели, как он был открыт с такими торжественными церемониями и в нем с таким фурором участвовали их старшие.

Наша информация о привычках индейцев почерпнута из множества источников. Некоторые из них относятся к совсем недавнему времени, особенно те, которые касаются индейцев тихоокеанского побережья. Ранние родственники французских отцов церкви были верными и, как правило, толковыми записями событий, свидетелями которых были сами священники. Отчеты французских и индийских торговцев и путешественников не столь точны и надежны, как те, что содержатся в "Отношениях". Некоторые из этих авторов добросовестно записывали то, что они видели; другие писали для создания книг. Они сильно различаются по ценности как авторитеты, и о них следует судить по их индивидуальным достоинствам.

Большая часть нашей информации о нравах и обычаях туземцев тихоокеанского побережья почерпнута из публикаций нашего национального правительства. Отчеты, которые собраны в этих документах, получены от большого числа наблюдателей и не являются единообразными по своему характеру, но многие из них имеют большую ценность. В целом работа была выполнена хорошо и в научной манере.

Повествование в разных играх рассказывает свою собственную историю. Лакросс встречается по всей стране; тарелки или кости распределены по площади одинаковой протяженности; чанки был игрой юга и запада; соломинки - северной игрой со следами ее существования на западе; игра в угадайку, по-видимому, была западной игрой. Повсюду азартные игры преобладали в самой шокирующей степени.

Есть авторы, которые стремятся уменьшить впечатление от экстравагантности, которой предавались индейцы на этих играх. Совпадение показаний свидетельствует о том, что не было предела, до которого они не дошли бы. Их последнее одеяло или бусинка, одежда на их спинах, их жены и дети, их собственная свобода иногда подвергались риску; и если шансы в игре складывались против них, наказание выплачивалось с непоколебимой твердостью. Лескарбо рассказывает нам, что роды жен, на которых были заключены пари, не всегда проходили легко, но попытки предпринимались добросовестно и, вероятно, часто оказывались успешными. Какими бы замкнутыми ни были обычно эти люди, неудивительно, что более слабые из них были доведены до такой экстравагантности под высоким давлением возбуждения, которое намеренно поддерживалось во время их игр. [Примечание переписчика: Пространная сноска перенесена в конец главы.] От одного конца страны до другого эти сцены сопровождалась

церемониями, рассчитанными на то, чтобы повысить их значимость и пробудить интерес зрителей. Методы, которые использовались, были одинаковыми среди конфедераций севера и юга; среди кочующих племен внутренних районов; среди жителей пуэбло; и среди ленивых аборигенов Тихоокеанского побережья.

Сцена, описанная Кушингом, когда по призыву "молитвенного послания" зунийцы собрались на крышах домов и толпились на Площади, чтобы под звуки молитв и заклинаний рискнуть своим имуществом в надежде угадать, под какой трубкой спрятан шар, сильно отличается от той, что изображена отцами-иезуитами в Канаде, где смуглые гуроны, собравшиеся в Доме Совета по зову знахаря и в присутствии больного, ставили свои бусы и шкурки на бросок костей. Это в равной степени отличается от сцены, которую предстали перед нашими глазами путешественники, изображающие чинуков, бьющих по своим веслам и издающих свои монотонные песнопения, собравшихся в кольцо вокруг игрока, который ловкими пассажами и странными изгибами манипулировал камнем и таким образом придавал пикантности догадке, которая должна была определить владельца имущества, поставленного на карту в игре. Сходство в этих сценах, однако, гораздо более поразительно, чем различия. Климат и топография определяют одно. Расовые особенности проявляются в другом.

[Перенесенная сноска: Следующие выдержки проиллюстрируют эти моменты: они готовы поставить все, что у них есть, даже на своих жен. Однако это правда, что роды женщин, на которых заключены пари, даются нелегко. Они издеваются над победителями и показывают на них пальцами (Lescarbot, Vol. III, стр. 754); все, чем они владеют, так что в случае неудачи, как это иногда случалось, они возвращаются домой голыми, как ваша рука (Lalemant, Relation, 1639); их имущество, их жены, их дети (Ferland Vol. I, стр. 134); известно, что некоторые на какое-то время рисковали своей свободой (Charlevoix, Vol. III, 319); известно, что они ставили на карту свою свободу в результате этих игр, предлагая себя своим противникам на случай, если они потерпят поражение (Catlin, Vol. I, стр. 132); Я знал, что некоторые из них рисковали своей свободой (Лоусон, стр. 176); канадский индеец потерял жену и семью из-за француза (Сагард Теодат, "История Канады", т. I, стр. 243); они заключают пари со своими женами (A. Colquhoun Grant, Journal Royal Geog. Soc., Лондон, Vol. XXVII, стр. 299); их жены и дети ("Асторла" Ирвинга, Т. II, стр. 91); их свобода (Parker's Journal of an Exploring Tour, стр. 249-50); Доменек никогда не видел, чтобы мужчины заключали пари со своими женами (Vol. II, стр. 191); женщины делают ставки так же, как и мужчины (Romans, стр. 79; Am. Naturalist, т. XI, № 6, 551); Филандер Прескотт (Schoolcraft, т. IV, стр. 64); Кушинг (Century, Vol. XXVI, стр. 28); свобода женщины, заключающей пари с самой собой (Lalemant, Relation, 1639); никогда не видели, чтобы женщины заключали пари (Le Page du Pratz, Vol. III, стр. 2; Mayne Br. Col., стр. 276); необдуманная азартная игра, иногда приводящая к самоубийству (Romans, стр. 79; Brebeuf, Relation, 1686).]